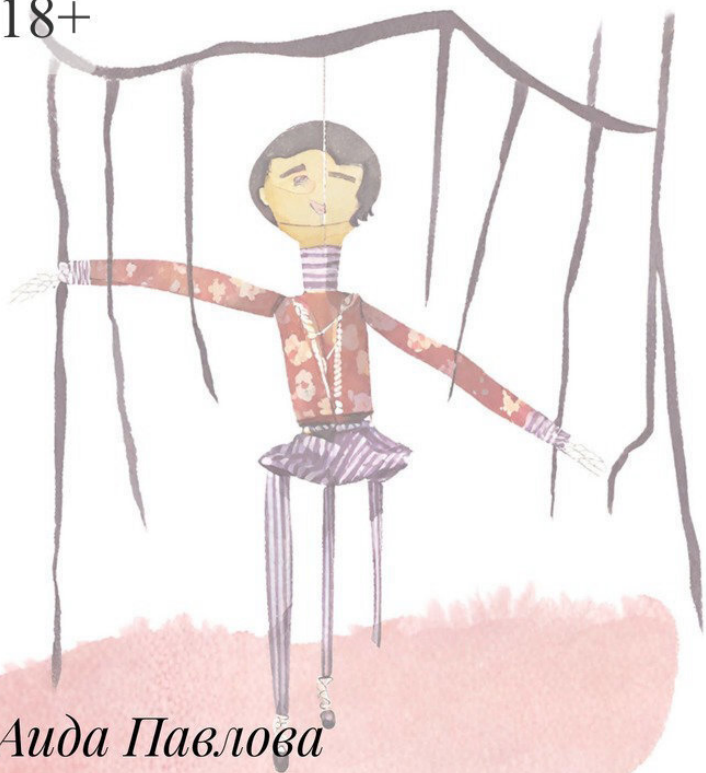

18+

Аида Павлова

Гомункул

Аида Павлова

Гомункул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69913096

ISBN 9785006079892

Аннотация

Оксана живет в двух мирах. В настоящем мире ее жизнь скучна: офисная работа, ипотечная однушка. В выдуманном же мире она – роковая женщина, от которой без ума богатые и известные мужчины. Однажды она решает совместить эти два мира и воплотить свои фантазии в реальность. Для этого ей нужно создать мужчину своей мечты...

Содержание

ГОМУНКУЛ	5
2	17
3	26
4	33
5	44
6	48
7	72
8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Гомункул

Аида Павлова

Дизайнер обложки Аида Павлова

© Аида Павлова, 2023

© Аида Павлова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-7989-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОМУНКУЛ

1

Оксана полюбила Соколова мгновенно. Именно полюбила: серьезно, въедливо, навсегда. Такую любовь, как застарелую гречку от чугунной сковородки, – так просто не отодрать от сердца, не вытравить из души легким взмахом кухонной губки. Такая любовь – не глупая влюбленность, нет в ней места смешкам и кривляниям. Оксана сразу поняла: это строго навсегда.

Незнакомое чувство приятной истомой разлилось по всему ее организму, когда начальник отдела представил бывшего сотрудника:

– Вот, наш новый коллега, прошу любить и жаловать, Олег Соколов.

Даже имя Соколова показалось ей знаком свыше: Оксана и Олег – и оба начинались с буквы «о». А две буквы «о» – это же два обручальных кольца, самый что ни на есть матриониальный символ. Если же буквы «о» соединить и слегка потянуть в разные стороны, то выходил знак бесконечности. Бесконечный брак – в любви, в горе и радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит. «Дождалась!» – радостно пронеслось в голове Оксаны. Она ласково улыбнулась Соколову, едва бросившему на нее растерянный взгляд. Ну, это

ничего. Первый день – всегда самый трудный. Надо дать ему пообвыкнуться, расслабиться, притереться. А потом уже... Потом уже он и сам всё поймет.

До конца рабочего дня с лица Оксаны не сходила блаженная улыбка. Машка, скорее подруга, чем коллега, за обедом даже спросила у нее:

– Ты чего такая довольная? Шеф премию, что ли, подписал?

А ведь и правда, Соколов был для Оксаны своего рода премией, премией от судьбы или, может, от самого Бога? Какая разница. Главное, что он тут, что нашелся, что теперь они будут вместе.

Когда Оксана задумывалась про себя как личность, а этому в последние годы способствовали десятки прочитанных психологических книг и пара просмотренных вебинаров с коучами, она уверенно определяла себя как натуру влюбчивую. Но ее влюбчивость распространялась исключительно на вымышленных персонажей. Первым, помнится, был Зорро из одноименного фильма с Аленом Делоном в главной роли. Нет, сам Ален Делон ей категорически не нравился – какой-то актер, да еще француз, за плечами разводы, на иждивении имеются дети, ну право, это несерьезно, с таким отношения не построишь. То ли дело Зорро! Красавец, храбрец, наглец! Вжик-вжик, взмах острой стали, а эта маска! Маска особенно сводила с ума Оксану. В своих фантазиях, когда она шла под венец с Зорро, тот непременно был

в черной маске и шляпе. Казалось бы: детские грезы, ерунда, всё пройдет, когда начнется половое созревание и захочется танцевать с реальными мальчиками на школьных дискотеках. Нет, не прошло. Реальные мальчики как раз казались бледными тенями в мире Зорро, графа Монте-Кристо, Атоса и сотне других литературных и экранных персонажей. Одноклассники заведомо проигрывали безупречным манерам, внешности и, что немаловажно, достатку и положению в обществе героев приключенческих романов и фильмов. Ну что мог ей дать прыщавый Петька из параллельного класса, сутулый и потный, когда в ее дверь ночами, томимый любовью и страстью, ломился Брюс Уэйн – супергерой и миллиардер?

С тринадцати лет Оксана вела альбом, куда вклеивала аккуратно вырезанные из журналов фотографии ее воображаемых возлюбленных. Когда, чуть позже, в квартире появился интернет, стало еще проще заполнять альбом – приходилось только часто менять кассеты в цветном принтере.

Оксана любила перелистывать страницы этого альбома, она вспоминала с теплотой своих героических бывших, посмеивалась над их безумными поступками, которые те совершали во имя ее любви: грабили караваны, завоевывали города и страны, похищали ее из дома строгого отца, вызволяли из лап бандитов. Впрочем, иногда она была не прочь остаться и с бандитом. Его портрет тоже имелся в альбоме.

Без сомнения, Оксана была поразительно успешна на любовном фронте в мире собственных фантазий. С тринадцати

до тридцати трех лет она покорила сердца, умы и души шестисот десяти героев и персонажей.

Другое дело обстояло в унылом настоящем. В обычной жизни, где Оксане приходилось зарабатывать деньги, стоять в очередях за продуктами, мыть унитаз и полы в ипотечной квартире, страдать от изжоги и менструальных болей, сморкаться и кашлять, выщипывать брови и намечающиеся усики, с легкостью набирать и с большим усилием сбрасывать вес, покупать прокладки и туалетную бумагу, – в этой вульгарной жизни разве было место для настоящей, чистой любви? То-то же. Вот и у Оксаны не получалось.

Какие-то нелепые обжимания в клубах, слюнявые прокуренные поцелуи на чужих квартирах, холодные пальцы с обкусанными ногтями в ее трусах, пять свиданий через сайты знакомств, шесть свиданий через всем известное приложение, пьяный трехминутный секс с двоюродным братом подруги на чьей-то далекой даче – вот и всё, что она несла в своем багаже сексуального опыта. Не густо, можно легко уместить в ручную кладь.

Но Оксана не горевала, ее фантазии затмевали тоскливые будни и с лихвой компенсировали разочарование в парнях из реальной жизни. Она уже и думать забыла о том, что можно испытывать какие-то теплые чувства к настоящему мужчине, можно лежать с ним рядом, чувствовать близость его тела, прикладывать ухо к груди и слышать, как бьется живое, реальное сердце. Всё это существовало для Оксаны в другой,

далекой-далекой Галактике, пока на горизонте не объявился Соколов.

В тот первый день, день знакомства с Соколовым, она поскорее прибежала домой и с порога решительно объявила Тони Старку об их бесповоротном расставании. Разумеется, он воспринял это плохо, ведь они встречались последние два года, пусть и с короткими перерывами на мимолетные увлечения Оксаны другими персонажами. Железный человек был готов вот-вот рассыпаться на кусочки, сталь не выдерживала напряжения от сильных эмоций. Именно так Оксана в мире своих грез воздействовала на мужчин. Старк умолял, упрасивал, плакал и даже опустился до шантажа и упоминания суицида. Ее губы в ответ лишь скривились в презрительной усмешке: «Тони, всё кончено. Уходи, не позорься. Но мы можем остаться друзьями». Тонкая ниточка ложной надежды на общение со своей возлюбленной стала, пускай и крохотным, но все-таки утешением для оставленного любовника. Он бросил последний печальный взгляд на свою богиню и навсегда покинул однушку Оксаны.

Она же достала из икеевского комода увесистый том с фотографиями фантазийных любовников и без сожаления перевернула страницу. Затем, удобно устроившись в потертом кресле, зашла на сайт своего работодателя и кликнула раздел «Наша команда». Оксана немного волновалась. Успели ли клуши из эйчара загрузить фотографию Соколова на сайт? Она открыла по ссылке страницу отдела продаж и покру-

тила вниз колесико «мышь». Легкий электрический разряд пробежал по телу Оксаны. Волновалась она напрасно. Фотоснимок Соколова уже был на сайте. Она некоторое время вглядывалась в пиксельное изображение любимого, пока тот не начал ей отвечать. Соколов смотрел на нее, без сомнения, с обожанием, подмигивал, нахально улыбался, а затем и вовсе послал воздушный поцелуй. Оксана счастливо рассмеялась и погрозила фотографии пальчиком: мол, не торопи события, парниша. Хотя ей самой хотелось торопить, бежать к нему быстрее, хватать, обладать, любить. Но его смелый флирт ей импонировал. Она не любила безынициативных мужчин, именно по этой причине ей пришлось когда-то давно прекратить отношения с Томом Рипли.

Оксана сохранила изображение себе на компьютер, а потом нажала на кнопку печати. Старенький принтер скрипнул, подумал пару секунд, а потом все-таки зажужжал и начал делать привычную работу. Неожиданно фотография получилась слишком большой, заняла целый лист А4, но Оксане и в этом померещилось счастливое знамение: большой снимок – большая любовь. Она бережно вклеила Соколова в альбом, на чистую страницу, не оскверненную присутствием прошлых любовников. В уголке аккуратным почерком написала: «611». Да, не первый, но, – и Оксана готова была до смерти отстаивать это убеждение, – последний. Что для нее, как женщины, конечно, было гораздо важнее.

Соколов заметно выделялся из фотографической подбор-

ки Оксаны. Он был весь сплошное отрицание: не богатый, не супергерой, не умопомрачительно красивый, не знаменитый, не имел титулов, не приходился родственником королеве Елизавете (ни первой, ни второй). Скорее всего, у него не было черной маски, острой сабли и быстрого коня. Он, даже при большом желании, не смог бы завоевать Трои и стать гладиатором в Риме. У нее не было замка в Италии и небольшой, но очаровательной квартирки в Париже. Он не был математическим гением, не побеждал в мировых шахматных турнирах и не писал бестселлеров. В силу реальности своего существования Соколов не сражался на полях Первой мировой, не был шпионом во времена Второй и не освобождал узников концлагерей. Его фамилия писалась без приставок «де» и «фон». Оксана была готова поспорить на месячный оклад, что он не умел сочинять симфонии и в жизни не нарисовал ни одного шедевра, достойного Лондонской картинной галереи. И все-таки она его любила.

Соколов отлично смотрелся в недорогом костюме из вискозы, умел искренне улыбаться и сидел с ней в одном кабинете. Его добрые серые глаза с фотографии глядели в самое сердце Оксаны, видели ее насквозь и принимали ее всю – со всеми ее странностями, сомнениями и комплексами, со всем ее богатым воображаемым прошлым, скучным настоящим и размытым будущим. Чем дольше Оксана любовалась распечатанным снимком, тем сильнее удивлялась – почему Соколов еще не тут, не с ней рядом? Она даже крик-

нула в темноту узкого коридора: «Олег, ты дома?» Но ей никто не ответил. Соколов, разумеется, был дома, но не у нее, а у себя.

Оксана тяжело вздохнула, отложила альбом и пошла на кухню ставить чайник. Впереди ее ждал долгий вечер в интернете. Она намеревалась заняться тем, чем, само собой, и должна заниматься любая разумная женщина, которая полюбила мужчину, – искать, изучать и анализировать его социальные сети.

Спустя три часа, четыре чашки чая и два бутерброда с сыром и колбасой, Оксана была вынуждена прекратить свое расследование. Нет, время не потрачено впустую, результаты были, но результаты разочаровывали. Соколов оказался той редкой птицей, которая предпочитает мало мелькать в соц-сетях, а жить, прости господи, реальной жизнью. Хотя имя и фамилия любимого не отличались оригинальностью, благодаря упорству и опыту, Оксана все же разыскала страницу Соколова «ВКонтакте». На аватарке он стоял на берегу моря, его темный силуэт был обращен к заходящему солнцу. Закатные лучи окрасили водную гладь в оранжевый. Но, самое главное, рядом с Соколовым не было ни единой живой души – ни девушки, ни ребенка, ни даже случайного прохожего. Оксана прикрыла уставшие от монитора глаза и легко перенесла себя на его аватарку. И вот они уже были вместе. Оксана и Соколов стояли очень близко друг к другу, их пальцы переплетались, легкий бриз приятно охлаждал раз-

горяченные лица. Оксана любовалась закатом, а Соколов – только ею. Он покрепче прижал любимую к себе свободной рукой, наклонился к ее лицу, чтобы поцеловать – и именно этот момент запечатлел фотограф, их общий друг, конечно, тайно и безнадежно влюбленный в Оксану... «Так, стоп, – сказала она себе, открыв глаза, – это уже лишнее. Не будем городить сложностей, но аватарку Соколову нужно будет поменять».

В остальном страница «ВКонтакте» не сообщила ей о Соколове ничего стоящего. В последний раз в сети он был только вчера вечером. Оно и понятно: в первый рабочий день не до «ВКонтакте». Да, хорошо, что Соколов не состоял ни в каких подозрительных пабликах, не участвовал в розыгрышах бесплатной еды от пиццерий и производителей роллов, не репостил публикации на тему политики, не добавлял себе на страницу мемы или фотографии других девушек. Его страница пребывала в летаргическом сне и просыпалась только один раз в год – шестого декабря, в день рождения Соколова. В этот день одни и те же пользователи оставляли одни и те же банальные поздравления: счастья-здоровья-успехов. Оксана подметила, что желали всего этого только ему одному, не семье и не гипотетическим детям. Что ж, это было уже что-то.

Она записала в заметки на телефоне дату: шестое декабря. Кажется, это означало, что Соколов родился Стрельцом. За столько лет Оксана встречалась со всеми возможными

знаками Зодиака, но то были фантазийные отношения, которые можно было менять как угодно и подстраивать под себя, не обращая внимания на гороскопы совместимости и прочие астрологические прогнозы. Что делать с реальным Стрельцом она не знала, но поставила себе в задачи на завтра обязательно это узнать. Боже, сколько же ей предстояло работы! Оксана почувствовала невероятную усталость, ее словно бы придавила тяжелая бетонная плита. «Олег, налей мне ванну!» – безуспешно попросила она у молчаливой квартиры. Тони Старк давно бы метнулся в малюсенький совмещенный санузел и исполнил все прихоти своей повелительницы, но она не хотела Тони Старка, она хотела только Соколова, который по-прежнему отсутствовал.

Оксана, по-старчески кряхтя, поднялась с просиженного кресла, потерла руками затекшую задницу, схватила телефон и поплелась в санузел. Пока вода лилась и наполняла пожелтевшую и потрескавшуюся от недостатка ремонта ванну, Оксана за несколько кликов оказалась в аккаунте Соколова. Но и там ее поджидало разочарование. На аватарке стояла все та же фотография на берегу моря, а сама страница была закрыта от посторонних глаз. Число публикаций: три. Число подписчиков: тридцать шесть. Число подписок: сорок. У Оксаны неприятно кольнуло сердце. Кто эти тридцать шесть и сорок человек? Сколько среди них молоденьких девушек, которые не стесняются выставлять свои круглые попы и глубокие декольте на всеобщее обозрение и облайкование? Что

изображено на трех фотографиях, которые решился выложить Соколов? С кем он ведет переписку в директе?

Ядовитая стрела ревности пронзила ее горло: Оксана физически почувствовала, что не может ровно дышать. Она кинула телефон на пол и схватилась руками за шею, попыталась произнести фамилию Соколова, но услышала только собственный хрип. Хрип вышел нечеловеческим. Так хрипит загнанное в угол животное от отчаяния и страха. Впрочем, уже через мгновение всё прекратилось. Панические атаки от ревности Оксана еще не испытывала никогда. У нее бывали похожие приступы от стресса, полученного на работе, а однажды она начала задыхаться в метро, в длинном перегоне между станциями, но это было давно и больше не повторилось. Оксана залезла в ванну, кинула в воду бомбочку оранжевого цвета и вновь постаралась перенести себя на аватарку Соколова. Во второй раз получилось плохо. Да, они были на том самом пляже, заходящее солнце приятно ласкало лица, их пальцы переплелись, как и тогда, как и тогда, Соколов крепко обнял Оксану и прижал к себе, но тут, в самый важный момент, она почувствовала резкий толчок в спину. Потом еще один, потом еще и еще. Оксана обернулась и увидела, что теперь на пляже было полно людей. Они толкались, носились туда-сюда, фотографировались и неприятно, даже злобно, хохотали. «Что за черт», – раздраженно прошептала она. «Не бери в голову, – ответил ей Соколов, – это мои подписчики из Инстаграма» (Instagram – проект Meta Platforms

Inc., деятельность которой в России запрещена).

Оксана дернулась и открыла глаза. Фантазия улетучилась, приятная греза обернулась кошмаром. Вода в ванне успела остыть и неприятно касалась голого тела.

Уже в кровати Оксана подумала, что еще ни один роман не давался ей так тяжело. В прежних мечтах любовники исполняли все ее прихоти, говорили только то, что она хотела услышать, поступали именно так, как она желала. Никто не смел врываться в этот прочный фантазийный мирок и портить его идеальный обман. «Ох, Соколов, ты мне еще ответишь за этих подписчиков», – беззлобно корила любимого Оксана, проваливаясь в усталый сон.

2

В последующие дни Оксана осторожно вела наблюдение за Соколовым. Она не хотела спугнуть его своей настойчивостью и нахальством, с которыми, к ее возмущению, не было проблем у других коллег женского пола. Некоторые из них охотно и запросто взяли нового сотрудника под свое крыло: повадились сопровождать его на обедах, на перекурах (увы, он курил), на кофе-брейках. С раздражением Оксана осознала, что Соколов нравится женщинам. В его присутствии они чаще и громче смеялись, трогали свои прически, неосознанно тянули к нему руки, пытались дотронуться до его плечей и волос. Постоянно, ежеминутно соблазняли его. «Моего Соколова!» – негодовала Оксана. Даже подруга, Машка, как-то обмолвилась:

– А этот новенький, ничего такой.

Оксане пришлось разыграть равнодушие, хотя внутри нее кипела раскаленная лава ярости:

– Кто? Соколов, что ли? Да ну, дохляк.

– Ну не такой уж и дохляк, – хихикнула Машка, – Он хвалился Аньке, что ходит в спортзал, и даже давал трогать свои эти бицепсы-трицепсы. Анька говорит, что твердые, – Машка еще громче захихикала и даже нечаянно хрюкнула, – теперь она говорит, надо проверить, что все остальное у него такое же твердое.

Подруга уже откровенно рассмеялась, а Оксана почувствовала, что краснеет от злости. Да как они смели? Эти курицы, эти вульгарные девицы, эти шлюхи! Они топтали Соколова, растаскивали на куски, уничтожали его, пачкали, насиловали, убивали. А она? Неужели она позволит над ним издеваться? Нет, Соколова, ее любимого Соколова, надо было срочно спасать. Вызволять из лап сирен и проституток, пока они не изувечили его душу и тело, не исковеркали его личность, не превратили ее любимого в использованный мусорный пакет.

Оксана за неделю уже многое узнала о Соколове. Она знала, что он курил настоящие сигареты и не выносил запаха электронных, они напоминали ему вонь мокрой псины. Благодаря Машке, дуре и сплетнице, но все же благодаря ей, Оксана знала, что Соколов посещает спортзал и озабочен состоянием своего тела. Эта двойственность Соколова: забота о теле и вредная привычка курить, даже нравилась ей. Ее любимый был не так прост, не двухмерен, как все ее прошлые любовники, в нем сочеталось несочетаемое, он удивлял многогранностью своей личности, как редкий бриллиант. Он пил кофе с молоком, две чашки в день, всегда до полудня и никогда после. Был аккуратен в одежде, не носил подряд одни и те же рубашки и носки, пользовался тканевым носовым платком. В столовой ел разумно: немного, но и немало. Ровно столько, сколько положено здоровому тридцатилетнему мужчине. Да, Оксана была старше люби-

мого на три года, но это ее не смущало, встречалась же она с Ником Шеффом. О, то было веселое, беззаботное время, как они смеялись! Заказывали пиццу и ночи напролет смотрели музыкальные клипы. Оксана даже подарила Нику игровую приставку, когда их отношениям исполнилось три месяца. Кто же знал, что именно этот подарок послужит поводом для разрыва. Увы, Ник не справился со своей зависимостью, тягой к наркотикам, выкрал свой подарок из квартиры Оксаны и продал его на «Авито». Каким-то невероятным образом ей удалось вернуть деньги себе на карту, но Ника она возвращать не собиралась. Двери ее квартиры были закрыты для него навсегда. Но даже несмотря на такой мерзкий финал, Оксана любила вспоминать бывшего: каким он был красивым и нежным, хрупким, до смешного наивным. У них была большая разница в возрасте, но они смогли полюбить друг друга, пусть и в ее мечтах. А тут всего-то три года – пыль! Протер и забыл.

Как-то после обеда Оксане удалось раздобыть поистине ценные сведения. Она увидела краем глаза, что Соколов взялся за телефон. Экран нервно мигал. По правилам компании сотрудники всегда держали свои личные мобильные на беззвучном. Значит, ему кто-то звонил! Соколов несколько секунд раздумывал: отвечать или нет, потом, приняв решение, все-таки нажал на вызов и быстро вышел из кабинета в коридор. Интуиция подсказывала Оксане: беги за ним! И она побежала. Предусмотрительно схватила свою сумоч-

ку. Мало ли, вдруг ей надо в дамскую комнату, плохо себя чувствует или нужно сменить прокладку. Она на ходу придумывала алиби, которое ей, конечно же, не пригодилось.

Соколов стоял около колонны, удачно отвернувшись к окну. Оксане не составило труда подкрасться к нему поближе. Она спряталась по другую сторону колонны, достала свой мобильный и нажала черную иконку диктофона. Вот, что ей удалось записать:

– Да, все хорошо. Трудно что-либо сказать, я еще даже неделю не отработал тут. Но пока мне нравится. Мам, не переживай, это очень хорошая фирма. Я тебе всё расскажу подробно, когда приеду в субботу. Что-нибудь купить? Хорошо, я тогда сам решу. Да, давай, до встречи. Целую.

Соколов нажал отбой и быстро пошел в сторону кабинета. Прятавшуюся за колонной Оксану он даже не заметил. А та была на седьмом небе от привалившего счастья. У Соколова такие нежные отношения с мамой! Она волнуется, звонит ему на работу, а он не сбрасывает старенькую маму, а по-сыновьи нежно ей отвечает, держит в курсе своих дел, обещает приехать в субботу и всё-всё ей рассказать.

Такой внимательной и любящей маме можно без опасения и внуков оставить, рассудила Оксана. Она зашла в туалет, заперлась в кабинке и прикрыла глаза.

Ей представилась мама Соколова, женщина с добрыми серыми, как у сына, глазами, худощавого телосложения, интеллигентная седая прядь в темных волосах, нитка белого жем-

чуга на морщинистой шее. Руки ухоженные, чуть скрюченные вязанием и артритом, но с маникюром, пусть и самодельным. Одета просто, но аккуратно, как и ее сын. Они вообще очень похожи. А где же она стоит? Ах, да! В прихожей. Прихожая просторная, высокий потолок. Сталинская квартира. Входная дверь открывается, и в прихожую заходит сначала сам Соколов, а потом, нежно придерживая за локоть, заводит смущенную Оксану.

– Мама, знакомься. Это моя Оксана.

Мама, конечно, очень рада, практически счастлива. Она улыбается, тянет руки к будущей невестке, потом ее взгляд неожиданно упирается в большой живот девушки. Мама приходит в сильное замешательство:

– Как же так... Я не знала... Олежа, почему ты не предупредил?

Оксана потрясла головой, распахнула глаза и сбросила с себя туман фантазии: «Это еще что за бред? Нет, так у нас с Соколовым не будет. Никакой залетной свадьбы, только по любви. Поживем пару лет для себя, попутешествуем, а потом уже можно и рожать».

Бредовая фантазия растворилась, но образ матери Соколова, так хорошо сложенный и приятный, грел душу Оксане. Она не сомневалась, что легко найдет общий язык с этой милой женщиной. Та начнет называть ее дочкой, а она ее, из чувства глубокого уважения, – только по имени-отчеству. Изольда Генриховна? Аделина Францевна? «Ну, хватит, –

опять одернула себя Оксана, – что сегодня со мной такое?»

Вечерами после работы Оксана теперь штудировала астрологические сайты. Непростой достался знак Соколову, но, что ж, когда родиться выбрать невозможно. Придется жить с тем, что имеем, здраво рассуждала про себя Оксана.

Информации по Стрельцам в интернете было много, иногда сайты в описаниях противоречили друг другу, но какие-то общие знаменатели и характеристики Оксане удалось вычлениить и собрать воедино.

Итак, судя по изученным данным, Соколов, как любой приличный Стрелец, любил путешествия (плюс) и рисковать (минус). Он был общительным, веселым и впечатлительным (три плюса), однако влюбчивым и склонным к быстрой перемене партнеров (два жирных минуса). Соколов-стрелец должен ценить свободу (скорее, минус) и идти по головам ради своей карьерной цели (а это, скорее, плюс).

Оксана обнаружила, что под тем же знаком родились некоторые ее бывшие любовники: Джерри Уэлбах, Лудо Деккер и Элви Сингел (да, было помутнение, но после скандала в прессе по поводу предполагаемого инцеста она с ним безжалостно порвала). Лудо в ее жизни мелькнул ярко, но быстро, как искра от ночного костра. С Джерри отношения продолжались довольно долго, но делить его с женой было мучительно больно. После омерзительного развода он пытался сойтись с Оксаной вновь, но она, кажется, была уже с Тони Старком, ну или с кем-то другим, уже неважно. Лод-

ка отчалила от берега, а ты, Джерри, опоздал.

В целом, Оксане не нравился портрет Соколова, который рисовали звезды: веселый повеса, любитель риска и женщин, амбициозный карьерист, но хуже всего было то, что Соколов-стрелец, согласно гороскопам, категорически был противопоказан Оксане-тельцу. «Совершенно несовместимы» – единодушно сходились в своем прогнозе астрологические сайты. В списке самых худших пар среди знаков Зодиака Стрелец с Тельцом занимали второе место. Она вычитала, что такой союз будет недолговечным, с изменами, скандалами и постоянными выяснениями отношений – одним словом, бурным. Но Оксане больше не хотелось бурных отношений, она хотела спокойствия и рутины, ленивых воскресных дней, прогулок в парке у дома, она была готова стать хранительницей домашнего очага, что бы там ни пророчили ей глупые астрологи. Да кто вообще в здравом уме верит этой чепухе?

Сайт за сайтом Оксана читала одни и те же неутешительные предостережения, усталые пальцы бесконечно кликали ссылки, глаза уже отказывались реагировать на дергающиеся рекламные баннеры с предложениями услуг от гадалок и ясновидящих. Наконец, интернетная волна вынесла ее на доселе неизведанный берег под названием «Астрология знаменитостей». Оксана тяжело вздохнула и про себя решила: это – последняя капля на сегодня. Ввела в строке поиска по сайту: Стрелец+Телец, и стала ждать, уже ни на что особенно не на-

десясь. Сайт немного подвис, но потом все же выдал результат: звездная пара Сара Хайланд и Уэллс Адамс. Эта пара была зеркальным отражением пары Оксаны и Соколова, здесь мужчина был Тельцом, а женщина – Стрельцом, но какая теперь уже разница, правда? И, хотя имена знаменитостей для Оксаны были пустым звуком, покидала она сайт с немалым воодушевлением. Из статьи она узнала, что между двумя селебрити страстные отношения, и пара, между прочим, обручилась два года назад. Да, это ей определенно нравилось. У них с Соколовым тоже будут страстные отношения, которые потом постепенно перерастут в глубокие, крепкие чувства. Затем будет и помолвка, ни чуть не хуже, чем у этой Сары с ее Уэллсом. Шах и мат, вам, гороскопы. Шах и мат!

Оксана представила, как хлопнула входная дверь, и в прихожей зашуршал одеждой Соколов. Она крикнула:

– Как прошел день, любимый?

– Да, все хорошо, – ответил он.

– Ты будешь ужинать?

– Трудно что-либо сказать.

– Тебе нравится моя квартира? – спросила Оксана.

– ... мне нравится, – уверенно сказал он.

Оксана довольно улыбнулась и задала контрольный вопрос:

– Милый, а когда мы поженимся?

– ... не переживай, – мягко ответил Соколов, сделал небольшую паузу и продолжил, – в субботу... я сам всё решу.

– В субботу? – Оксана рассмеялась, – вот ты у меня нетерпеливый, Соколов! Ну, давай, в субботу!

– Целую, – брякнул в ответ Соколов и замолчал.

Оксана выключила диктофон, поцеловала экран телефона и прижала его к груди. Теперь, обладая голосом любимого, она могла разыгрывать маленькие диалоги: Соколову всегда все нравилось, он всегда готов был жениться, обещал решить все вопросы самостоятельно и предлагал субботу для любых мероприятий: от свадьбы и знакомства с мамой до похода в дорогуший ресторан. Оксане нравилась его нежная покладистость. Ну, какие измены? Какие бурные отношения? Соколов ничуть не походил на неверного Стрельца, он был ее ручным и ласковым Амуром.

3

Всё утро понедельника Оксана бросала испытывающие взгляды на Соколова. Ей было до чесотки интересно, как прошла его субботняя встреча с мамой. Что он говорил про работу, офис, обеды, коллектив, начальство? Упоминал ли её? Может быть, невзначай, так, между делом, после ужина произнес: есть там у нас одна Оксана... И его милая мама (Лидия Карловна?), конечно же, всё прочувствовала и понимающе улыбнулась: значит, Оксана... Что ж, сынок, давно пора, давно пора.

Сама Оксана провела выходные скверно. Если раньше они с Тони Старком каждую субботу отправлялись то в Париж, то в Лос-Анджелес, то на какие-нибудь экзотические острова, а в воскресенье, пользуясь машиной времени, бывали на концертах Элвиса Пресли и Doors, то теперь, после расставания, у нее оставались лишь интернет и доставка готовой еды. Оксана смотрела одну за другой однотипные романтические комедии и поедала запеченные под шапкой из майонеза роллы. Дома она не пользовалась палочками, ела большой ложкой для супа, подхватывала ролл и отправляла целиком в рот. Все просмотренные романтические комедии транслировали одну и ту же мысль: если чего-то очень захотеть (или кого-то), этого можно добиться с помощью настойчивости и навязчивости. Нужно появляться в тех же ме-

стах, куда ходит объект желания, не стесняясь опускаться до слежки, прочитывания чужих писем, взламывания социальных сетей. Не стыдно расстроить свадьбу, обмануть друга или подругу, поссорить влюбленных. Все средства хороши для обретения настоящей любви. Ну, а потом, конечно, – белое платье, церковь, just married и гремящие по асфальту пустые банки, привязанные к розовому кадиллаку. Оксана много плакала и много ела. Курьер из близлежащего ресторана азиатской кухни приезжал к ней трижды за выходные. В последний раз ей даже показалось, что этот наглец посмел флиртовать, что-то там пробубнил про хорошие выходные. Но выходные эти не были хорошими. Давно Оксана не чувствовала себя такой одинокой. И это чувство ей не понравилось. Нужно было срочно действовать, добиваться Соколова, ковать свое железное счастье.

Воскресенье было, впрочем, разбавлено телефонным звонком. Звонили на домашний. Определителя номера у Оксаны не было, и пока она шла до телефона, уже успела намечтать, что звонит ей, разумеется, Соколов. Узнал ее номер в отделе кадров, хотел пригласить прогуляться или вместе поужинать. «Господи, – ужаснулась Оксана, – а я-то вся опухшая». Она строго рассмотрела себя в зеркало в прихожей и окончательно расстроилась: лицо действительно сильно отекло, глаза, и так небольшие, заплыли от слез и вредной пищи. На подбородке – россыпь мелких прыщиков, под глазами – темные круги. «Скажу ему, что не могу, что у меня

спа с подругами и уже нельзя отменить», – ловко придумала Оксана и подняла трубку.

Как ни странно, звонил не Соколов. Звонила мама. Не фантазийная Гертруда Моисеевна, будущая свекровь, а самая настоящая, из плоти, крови и упреков, мама Оксаны.

– Ксанка, ну ты совсем нас забыла! А мобильный чего не берешь? – громко и бойко вместо приветствия сказал голос из телефона.

Оксана скривилась. Она ненавидела, когда ее называли Ксанкой или Ксаной. Это было ее домашнее имя, и она миллион раз просила, умоляла мать и других родственников не называть ее так. Но мама, простая, южная, громкая, круглая и говорливая женщина, не обращала никакого внимания на эти просьбы. Для нее дочь была Ксанкой и точка.

– Как у вас там погода, в столицах? А чего дома сидишь? Вышла бы, пробзделась, ты зачем в Москву-то перебралась? Дома сидеть? Так у нас это тоже есть и бесплатно, не надо никакую ипотеку брать, – захохотала трубка.

– Мне пора, как раз выходить собиралась, – ответила Оксана.

– А, ну выход – это дело хорошее, может, и ошибется кто. Москвич на гелендвагене, – хихикнула мама, – я тебе чего звоню-то. Ксан, там на следующей неделе к вам в Москву Юрка приезжает, ну ты помнишь Юрку?

Оксана не помнила. А тех родственников или друзей семьи, кого она еще помнила, с радостью бы забыла.

Мама искренне возмутилась:

– Ну, как ты не помнишь Юрку? Вы маленькие еще вместе в одной песочнице играли у тетя Шуры во дворе! Ты первого родилась, а он десятого. Мы с его мамкой пузатые вместе ходили всю дорогу. Чего там в Москве тебе, память, что ли, отшибли? Они, правда, потом перебрались в другой город, уже не помню куда... А потом еще переезжали пару раз...

– Мам, – предостерегающе сказала Оксана.

– А, ну да, отвлеклась, – спохватилась мать, – короче, это самое, Юрка приезжает к вам на поезде в следующую пятницу, я тебе на ватсап скину номер и время. Ты встреть его, ладно?

– А зачем его встречать? Он, что, недееспособный?

– Дее он! И даже очень способный, у него фирма своя, между прочим, кафелем торгуют, – голос теперь звучал обиженно, – короче, это самое, ты его встреть, я с ним для тебя там гостинцы передам. Чего там в Москве твоей хорошего, пожрать – так всё невкусно, пластик один, а у нас всё своё, с огорода. У нас, знаешь, какие в этом году огурцы? О, закачаешься! Ты вот в отпуск не приехала опять, а я тебя звала. Звала-звала, а ты не приехала.

Этот монолог про отпуск Оксана помнила наизусть, он звучал из года в год:

– Хорошо, мам, встречу я твоего Юрку. Мне уже выходить пора.

– А, ну ладно-ладно! Хорошо погулять, – мама опять хи-

хикнула, будто знала, что никуда, конечно, дочь ее не собиралась, – я тебе скину все в ватсап.

Оксана бросила трубку на рычаг и вернулась обратно в кровать. Ее ждали очередная комедия и недоеденные роллы.

Через секунду в ватсап пришло сообщение от матери с номером поезда и временем его прибытия. Курский вокзал! Куда еще мог приехать пресловутый Юрка, конечно, на самый противный вокзал Москвы. Оксана вспомнила, как несколько лет назад она, еще юная и глупая, ступила с подножки поезда на платформу Курского вокзала – то был ее первый шаг по столичной земле. А где-то через пару сотен шагов ушла гадалка с золотыми зубами и страшными, глубокими, черными глазами выманила из Оксаны пятьсот рублей: всю правду тебе скажу, удача тебе будет, богатой будешь, успешной будешь, замуж выйдешь, двое детей у тебя будет, сынок и девонька, но завидует подруга тебе, ой завидует. Оксана почему-то сразу поверила гадалке. Конечно, ей завидовали, весь родной поселок городского типа ей завидовал! Ведь она поехала учиться в институт и не в затхлый райцентр, а в Саму Столицу! Не задумываясь, Оксана могла назвать имена как минимум пяти подруг (а не одной, как утверждала гадалка), которые готовы были ее проклясть, навести порчу, соорудить венец безбрачия. Жалкие, завистливые курицы, оставшиеся на семейных огородах, не видящие дальше своего носа, глупые, замужние и беременные уже в свои

восемнадцать. Их простые, крестьянские лица, будто сошедшие с фотографий Прокудина-Горского, пронеслись перед глазами Оксаны, и она, не помня себя, вытащила из кошелька пятьсот рублей и отдала их цыганке. Отдала бы и еще, но наличными больше не было. Гадалка, впрочем, свой гонорар отработала: взмахнула руками над головой Оксаны, что-то проговорила едва слышно на своем и вынесла вердикт: «Всё, милая моя, всё сняла». Может быть, ее колдовство и правда сработало.

В Москве у Оксаны жизнь пошла, как по маслу: институт, приятные девочки в общежитии, подработки, после практики еще на третьем курсе пригласили в одну неплохую фирму. После диплома уже перешла в другую, сняла комнату, потом уже квартиру. Сначала на двоих, потом уже жила одна. Снова сменила работу, взяла однушку в ипотеку. Да, на востоке, зато своя, и даже дом с лифтом, не панельная пятиэтажка. Пока она меняла работы и квартиры, бывшие подруги в ПГТ рожали одного за другим. Оксана узнавала об этом от мамы. Дочь рассказывала ей про успехи на работе и перемену места жительства, а мать в ответ принималась перечислять кто из ее одноклассниц недавно разродилась. Разговор походил на соревнования фехтовальщиков, но рапиры обеих не достигали своей цели. И у той, и у другой была толстая защита. Словесная битва всегда оканчивалась разочарованием и ничьей.

А теперь, значит, приедет какой-то Юрка. Оксана могла

его и не встречать, ничего бы не случилось. Ну покричала бы мать, повопила в трубку, какая Ксанка у нее плохая, неблагодарная дочь, зато не надо никуда тащиться в пятницу после работы. А если Соколов ее на свидание позовет? По боку Юрку, сдался Оксане этот приятель из песочницы. Но вот если Соколов все-таки не позовет, если он не сможет, мало ли дел у человека, может, маме надо помочь, тогда, может быть, можно и встретить Юрку, но только чтобы забрать гостинцы. Оксана знала: мать ерунды не передаст, наверняка, там будет рыба соленая по-домашнему, по которой так тосковала Оксана и никак не могла найти похожей в Москве. Что еще? Огурцы, помидоры, закрутки, свинина. Сентябрь на дворе – самое сытное время. Так ведь можно потом Соколова угостить! Такой стол накрыть! Действительно закачаешься!

– Олег, ты придешь в следующую субботу ко мне? Мама гостинцы нам передала.

– ...мне нравится, – покладисто ответил голос Соколова на диктофоне.

Оксана довольно усмехнулась. Еще бы ему не понравилось!

4

– У Аньки полный облом, – объявила Машка на обеденном перерыве, решительно вгрызаясь в ржаную булочку. Оксане были не интересны сплетни о личной жизни коллег, все ее внимание занимал Соколов. Любимый стоял около салатного бара и боролся с искушением: взять майонезный оливье или все-таки преодолеть соблазн и выбрать нарезанные дольками помидоры и огурцы. Позади него в очереди встали смешливые девчонки из отдела кадров, Соколов им что-то сказал, обольстительно улыбнулся и уверенным движением забросил на свой поднос овощной салат. Оксана поморщилась: неверный Стрелец во всей своей красе. Ну, ничего. Будем перевоспитывать.

– А-у! Ты где витаешь? Тоже, что ли, за Соколовым охотишься? – Машка пощелкала пальцами перед носом у Оксаны.

Застигнутая врасплох, та невольно выдала себя и покраснела:

– Ни за кем я не охочусь, – невнятно пробормотала она.

– Ага, я тебе верю, – с сарказмом произнесла подруга, – но ты расслабься. Аня всё выяснила, баба у него есть. Так что полный облом! – торжествующе повторила Машка.

Ее слова не сразу дошли до сознания Оксаны, словно подруга внезапно заговорила с ней на португальском. Кто есть?

У кого? Причем тут Соколов и какая-то баба, ведь понятно, что он предназначен только для Оксаны. Он ее судьба, две буквы «о», бесконечный брак и далее со всеми остановками: свидания в маленьких рестораниках, путешествия по уютным европейским городкам, скромная, но элегантная свадьба, милые детки, трешка в ипотеку, Турция каждое лето, дачный поселок недалеко от Москвы, пушистый кот породы мейн-кун, счастливая тихая старость. Нет, так просто она это всё не отдаст. Оксана и не с такими трудностями разбиралась в жизни. Вернее, с такими еще не разбиралась, но и они ее не пугали. Надо взять себя в руки, сжать зубы и продолжать.

– А как она узнала? Ну, про бабу? – с легким зевком спросила Оксана.

– Да просто. Взяла и постучалась к нему в друзья, он ее добавил, а там всего четыре фотки, кажется, («три», – мысленно поправила ее Оксана) и все с одной бабой. Для матери слишком молода, а сестру за задницу никто держать не будет, – хихикнула Машка.

Оксана удивилась: и как она раньше не замечала какая у нее противная подруга. И смех у нее неприятный, и зубки эти острые, как у лисицы, и глазки хитренькие. Зачем она вообще с ней ходит на обед каждый день? Какая омерзительная личность!

– И, что, все фотки свежие? – уточнила Оксана.

Машка задумалась:

– Этого не знаю. Хороший вопрос, кстати. Сейчас спрошу

у Аньки.

Пока Машка строчила сообщения в мессенджере, Оксана боковым зрением наблюдала за Соколовым. Вот он сидит, как шейх в гареме, среди молоденьких девиц, хвост распушил, выдает какие-то шуточки, ослепляет их, глупеньких, своей лучезарной улыбкой. Фанфарон! Ловелас! Как ни странно, его поведение улучшило настроение Оксаны. Даже если и есть какая-то баба у Соколова, то это несерьезно. В отношениях с перспективой не будет человек так себя вести, рассыпать комплименты, как пшено, этим курочкам, не будет стараться дотронуться то до одной, то до другой. Оксане даже стало жаль ту незнакомку с фотографий: бедняжка не знала, что скоро ее отправят в отставку.

– Аня написала, что последняя фотка этого лета, в августе. Так что свежие.

Но Оксане до этой информации не было никакого дела. Она беспечно махнула рукой, всё это было уже неважно:

– Маш, ну какое нам дело до Соколова и его пассий? Почему мы весь обед потратили на это? Или ты тоже охотница?

Подруга поморщилась:

– Что? Нет, конечно. По нему видно, что бабник он. Вон как старается. Но ты права, давай сменим тему. Ты лучше скажи, что там у тебя с твоим Антоном?

От вопроса Оксана вздрогнула, как от внезапного приступа зубной боли. Она уже позабыла о сотканной паутине лжи вокруг своей личной жизни и теперь чувствовала себя пой-

манной в собственную липкую ловушку.

Для подруг вполне естественно обсуждать дела на любовном фронте. Странно становится тогда, когда одна отрещивается от этой темы, старательно избегает вопросов и не дает никаких ответов. Вот Оксане и пришлось выдумать Антона. Не рассказывать же Машке, что она встречается с Тони Старком? Антон получился негативом супергероя: обычный, лысеющий, толстоватый – отталкивающая внешность как повод не показывать совместные фотографии. Для достоверности он не обладал никакими выдающимися способностями, а скромно трудился автомехаником в каком-то гараже на окраине города. Подруга съела эту ложь с большим удовольствием. У нее-то все кавалеры работали в офисах, ездили на иномарках и дарили ей весной тюльпаны, летом – пионы, осенью – новые модели айфонов, зимой – поездки к морю. Машке нравилось чувствовать свое превосходство над некрасивой и заурядной Оксаной. Поэтому она даже не сомневалась в правдивости ее рассказов о пропахшем бензине и перепачканном в машинном масле Антоне Старикове. Профессия вообще оказалась удачной для мифического бойфренда. Почему его нет в социальных сетях? Почему он не появляется на корпоративах с Оксаной вместе? Почему не забирает ее после работы? Да он же автомеханик, ковыряется в своем гараже целыми днями, а после смены, как это положено, выпивает пиво с такими же автомеханиками. Машка поглощала ложь порцию за порцией, пока вдруг

не случилось непредвиденное. В ее стареньком «солярисе» начало что-то стучать.

– Завожу, вроде не стучит, а потом, километров через тридцать как начнет постукивать. Ехать не мешает, но неприятно. Вдруг там что-то серьезное? Ты спроси у своего, что это может быть? – как-то попросила подруга.

Тем же вечером Оксане пришлось отложить свидание с Тони Старком и залезть на тематические форумы в интернете. Читать про автомобильные проблемы было невыносимо скучно и совершенно непонятно. Но что ж поделать. Оксана выписала возможные варианты и на следующий день озвучила их Машке с надеждой, что та отстанет. Но не тут-то было. Подруга нахмурилась, тревога пробежала тенью по ее лицу:

– Вот черт! Я-то думала, что ничего серьезного. Слушай, а твой Антон, похоже, классный спец в тачках, вон как сразу разобрался, что к чему. Может, он посмотрит на мою? Где, говоришь, его гараж? Я могу пригнать после работы или в выходные.

Оксану замутило. Она почувствовала, как холодные капли пота проступили на лбу. Нужно было что-то срочно придумывать. Опять! Антон Стариков требовал слишком много. Вместо того, чтобы разрешить проблемы, он только и делал, что создавал новые. Оксана пообещала подруге поговорить с бойфрендом. Машка рассыпалась в благодарностях и даже купила Оксане пирожное в столовой.

Но на следующий день случилась драма. Оксана явилась на работу опухшая и заплаканная, за ночь она явно не сомкнула глаз. Машка тут же ринулась на помощь подруге и отвела ее в туалет, чтобы успокоить и узнать, что случилось.

– Представляешь, он меня обманывал! Все эти месяцы!

– Кто? Антон? – у Машки упало сердце. Бесплатная диагностика «соляриса» таяла на глазах.

– Да, да, – Оксана размазывала слезы и сопли по покрасневшим щекам, – Антон этот, всё мне врал!

– Он женат, что ли? – догадалась подруга.

Оксана заметно оскорбилась, даже немного расправила плечи и зло поглядела на Машку:

– Почему сразу женат? Со мной, что, только женатые встречаться будут?

– Нет-нет, – поспешила ответить подруга, – ну а что тогда случилось-то?

Оксана трагически вздохнула и, наконец, рассказала:

– Он пришел вчера поздно, уставший и злой какой-то, пива, как всегда, выпил со своими механиками. Я ему передала твою просьбу про «солярис», а он как разорался! Что он не благотворительный фонд и все такое. Чего только не наговорил!

– Так я заплатить ему могу, – сказала Машка и тут же подумала, что если платить, то лучше официалу, чем какому-то бедовому Антону в подозрительном гараже. Вот черт, придется теперь как-то выкручиваться и что-то выдумывать.

Но выдумывала и выкручивалась тут за двоих одна Оксана.

Девушка покачала головой:

– Там не только в этом дело. Короче, он признался, что они в гараже занимаются какими-то сомнительными делами. Мол, им пригоняют непонятные машины без номеров, а они их разбирают на части. Честно, я была так расстроена, что уже не помню подробностей.

Машка от удивления даже открыла рот:

– Но это же преступление! Он, что, с криминалом связан?

– Выходит, что так. Думаю, что мы расстанемся прямо сегодня же.

Подруга погладила Оксану по голове, дала новые салфетки, чтобы та вытерла лицо, и подумала, что в который уже раз судьба уберегла ее от рискованного поступка. А то бы стоял сейчас ее «солярис» разобранный на детали и готовился быть проданным в какой-нибудь криминальный шиномонтаж. За личную жизнь подруги она не сильно волновалась. Ну действительно, кто мог связаться с полноватой, глуповатой и откровенно несимпатичной Оксаной? Только лысеющий механик с криминальной аурой. Кстати, возможно, что он вдобавок все-таки еще и женат.

– Ты уж меня извини, что так вышло, – шмыгая носом, сказала Оксана.

– Что ты! Что ты! Забудь про мои проблемы. Теперь тебе бы выйти из этих отношений нормально, а то этот Антон, знаешь, он может и не отпустить тебя так просто.

Антон и в самом деле не отпустил. Теперь, после скандала с налетом криминальной драмы, он стал для Оксаны совершенно безопасен и еще больше полезен. Машка не лезла с просьбами и не выказывала сомнений, почему бойфренда Оксаны никто не видел вживую. Всё как-то быстро наладилось и встало на свои места. Оксана уже сама не хотела отпускать выгодного ей Старикова. Та история замялась и забылась, Антон остался, а Машка даже не удивилась: некоторые дамочки прямо-таки напрашиваются на абьюзивные отношения, и Оксана явно была одной из них. Подруга очень редко что-то спрашивала про Антона, а сама Оксана мало что рассказывала. Наступила идиллия.

И вот он – гром среди ясного неба. Внезапная молния в хрустящее ясное морозное утро.

Впрочем Оксана не стушеввалась. Она увидела в вопросе шанс избавиться от Старикова раз и навсегда. Пришло время. Он стоял между ней и Соколовым. А вдруг до любимого дойдут или, не дай бог, уже дошли слухи, что Оксана не свободна? Стариков должен уйти немедленно из ее жизни. А он и не стал сопротивляться.

– Мы разошлись, – с легким вздохом ответила она.

– Что? – неожиданно громко вскрикнула Машка. Так громко, что некоторые коллеги принялись глазеть на их столик. Оксана покосилась по сторонам и попросила Машку:

– Давай потише. Ну, расстались и расстались, давно пора было.

Глаза подруги все еще напоминали шары для пинг-понга:

– Нет, тут ты права, я с тобой согласна: давно пора было с ним порвать. Но все-таки это как-то внезапно. Я думала, что у вас все хорошо. Что случилось-то? Он тебя побил?

Оксане захотелось вылить компот на голову подруги. Почему Машка всегда придумывает самые отвратительные и унижительные сценарии для нее? Почему ей нравится выставлять Оксану недалекой и жалкой? Она подумала, что только что Машка закрыла себе дорогу на ее свадьбу с Соколовым. Оксана подыщет другую подружку невесты. То-то обломается Машка! А как вытянется ее лицо, и без того похожее на ослиную морду! Оксана даже не сдержала мстительной улыбки.

– Никто меня не бил. Я решила, что пора поставить точку. Мне нужен кто-то другой, со стабильной работой, готовый к браку мужчина.

– И как эти новости воспринял Антон? – поинтересовалась подруга.

Оксана пожала плечами:

– Да нормально. Он меня понял. Все-таки мы давно были вместе, в общем, расстались по-хорошему.

«У него появилась другая баба», – с удовлетворением подумала Машка. Ну, конечно! Оксана могла говорить что угодно, но Машку-то было не провести. В чушь про расставание по-хорошему она не поверила ни на секунду. Теперь ей стало ясно, почему Оксана все эти дни буквально поеда-

ла глазами новенького, этого плейбоя Соколова. Машке даже стало жаль наивную подругу. Где была та и где был Соколов? Неужели Оксана смела подумать, что Соколов снизойдет до нее, пригласит на свидание, начнет с ней отношения? Машка чуть не рассмеялась этой мысли вслух, как хорошей шутке. Да он даже смотреть на нее не хотел, на эти ее кофточки из полиэстера, на эти ее прямые брюки, так обтягивающие задницу, что всем были заметны швы от старомодного плотного белья из хлопка. Где она вообще покупала такие трусы? На развалах в переходах метро? Машка не удержалась и фыркнула. Подруга непонимающе посмотрела на нее.

– Я говорю, не переживай. Конечно, найдешь себе кого-то получше, – поспешно сказала Машка.

– Да я и не переживаю, – спокойно ответила Оксана. Ее не волновал разрыв с мультимиллионером Тони Старком, чего уж говорить про выпивающего автомеханика, связанного с преступным миром. Она опять бросила взгляд на Соколова, тот как раз вызвался убрать подносы за девушками, с которыми флиртовал весь обеденный перерыв. Машка подумала: «Какая прелестная сплетня: дурнушка Оксана влюблена в красавчика Соколова. Это так банально, но тем не менее». Она зажмурилась и уже представила, как обсуждает малейшие подробности этого слуха с Анькой. По коже пробежали мелкие мурашки. Предчувствие скорого наслаждения слаще, чем само наслаждение. Машка не знала, почему ее так сильно раздражала Оксана. Они дружили больше двух

лет, вместе обедали каждый день, иногда даже ходили в бары после работы и в кофейни по выходным, делились друг с другом проблемами, переживаниями и радостями. Но дружбы не выходило. Выходило лишь какое-то извращенное общение, когда каждой хотелось, чтобы у другой случалось что-то плохое. Машка даже не почувствовала ни малейшего укола совести, когда писала сообщение Аньке со сплетней про Оксану и Соколова. Оксана ее откровенно бесила, так пусть помучается. Так ей и надо, в конце-то концов. Может быть, в следующий раз сто раз подумает, прежде чем раскатывать губу на очередного красавчика. Она себя в зеркало-то видела?

Оксана закатывать губу не собиралась, но определенно мучилась. К вечеру настроение совсем скукожилось. Оно и понятно: за такой короткий срок пережить два расставания, полностью изменить свою жизнь, а объект желания до сих пор оставался за пределами досягаемости. Дома Оксана встала напротив зеркала в прихожей, придирчиво посмотрела на себя и подумала: «И что Соколову не хватает?» Да он должен был уже давно пасть к ее ногам. И не таких мужчин она сводила с ума! Гении и изобретатели, миллиардеры, художники и писатели, актеры и плейбои, воины и короли, – все они были бы счастливы любить ее, один только Соколов, как слепой щенок, не мог разглядеть свою судьбу. Жизнь так коротка, а они оба бездарно тратят драгоценные минуты. Она – в гнетущем одиночестве, он – с женщиной, которую не любит. Когда-нибудь они вспомнят эти дни в разлуке и горько усмехнутся собственной нерешительности. Оксана скажет: «Я с первого дня знала, что ты станешь моим мужем». Соколов ответит: «Я тоже сразу разглядел в тебе свою жену». Так почему же ты так долго ждал? Как долго? Всего-то три недели... Три недели счастья – это миг, три недели боли – это вечность. Оксане так понравилась эта мысль, что она решила записать ее в альбом с фотографиями своих любовников. Портрет Соколова улыбался ей. Боже, как

она скучала по нему! Как хотела, чтобы он сейчас оказался тут, рядом, обнял ее, прижал к себе, прикоснулся теплыми губами к ее волосам. Неужели она просит слишком многого? Оксана решила поговорить с Соколовым.

– Олег, неужели тебе нравится эта девушка, эта женщина рядом с тобой?

Голос Соколова с диктофона привычно ответил:

– ... мне нравится.

Оксана вслух чертыхнулась. Она перемотала запись слишком далеко вперед и теперь расплачивалась за свою оплошность. Разговор как-то неожиданно и быстро стал выходить из-под контроля.

– А как же я, Соколов? Как же наша любовь?

– Трудно что-либо сказать, – жестко отчеканил любимый.

Оксана почувствовала, как теплая влага набухла на ее веках. О, этот Соколов был не так прост! Он мог быть очень жестоким и бессердечным.

– И ты ее любишь? – еле сдерживая слезы, спросила Оксана.

– Да, все хорошо, – равнодушно ответил голос.

Оксана упала лицом в подушку и громко зарыдала. Это была их первая ссора. И первая подобная ссора в ее жизни. Прежде любовники во всем с ней соглашались и сами плакали, умоляя Оксану не разрывать отношения. Теперь участь страдать досталась ей. Стрелец выпустил свои острые стрелы и разорвал ее сердце в клочья.

Оксана прорыдала около часа и почувствовала, что осталась совсем без сил. Сколько можно так убиваться? Нет, это ей совсем не нравилось. Не такой должна быть ее судьба, не такой должна быть ее любовь с Соколовым. Отныне всё будет, как захочет она. Оксана сделала пару глубоких вдохов, взяла себя в руки и громко сказала:

– Я не позволю тебе играть со мной, Олег. Ты расстанешься с ней. Ясно?

– ... не переживай, – уже мягко ответил голос. Оксане даже показалось, что Соколов испугался ее тона. То-то, парниша! Не с той связался. Будешь делать то, что тебе говорят. Хватит уже драм и трагедий.

– Когда ты с ней расстанешься? – Оксана умела быть настойчивой.

– В субботу, – предсказуемо пообещал Соколов.

– Ладно, – согласилась Оксана.

– Целую, – как-то неуверенно пробормотал голос.

Она хотела стереть с диктофона дурацкую запись, которая больше не приносила ей радости и не утоляла одиночества, но все-таки это была часть любимого, единственная нить, которая пока их связывала. В последний момент у нее не хватило духу удалить файл, она просто свернула приложение и легла пораньше спать. Завтра приезжал навязанный матерью Юрка, Оксана не хотела показаться ему несчастной или заплаканной. Она должна выглядеть умопомрачительно, ведь Юрка обязательно потом в деталях расскажет ее матери

о встрече, о том, как вела себя Оксана, что говорила и как выглядела. Нет, она не доставит никому удовольствия сомневаться в ее счастливой столичной жизни.

6

Пятница, как назло, выдалась тяжелой. Трудности начались с самого утра – потерялся важный отчет, который Оксана готовила всю неделю для совещания по итогам месяца. Она точно помнила, что в четверг вечером оставляла папку с документами на своем столе, но утром в пятницу ее там не оказалось. Сначала Оксана решила, что это пустяки. Отчет, конечно же, быстро найдется. Кто-то по ошибке взял и забыл положить обратно, хотя кому пришло бы в голову брать без спроса документы с чужого стола? Оксана отправила сообщение в чат отдела, со смайликами, очень вежливое. Попадалась ли на глаза кому такая папочка с отчетом? Плиз, верните срочно, мне она очень нужна. Коллеги поставили под сообщением пару реакций, но на этом дело и кончилось. Время шло к одиннадцати, а отчет так и не был найден. Конечно, Оксана могла просто распечатать опять документы, но это означало, что ей пришлось бы заново делать обход ответственных лиц и подписывать отчет у них. Пять подписей! Пять! Этим она уже занималась все утро четверга, и что же – опять тратить чужое и собственное время? А ведь есть еще и другая работа, копились срочные и не очень задачи, звонил телефон. К полудню Оксана запаниковала. Она даже отказалась идти на обед с Машкой.

– Что-то случилось? – спросила подруга.

Оксане не понравилось, каким взглядом та окинула ее рабочий стол. Словно бы знала в чем дело, но притворялась несведущей. Хотя зачем Машке красть документы? Они же подруги... Оксана отогнала свои подозрения. Должно быть какой-то нерасторопный стажер смахнул документы со стола, а потом куда-то засунул из-за страха получить нагоняй. Около часа Оксане написал начальник с просьбой принести отчет. Где же документы? Начальник, конечно, уже знал наизусть все данные, которые были в отчете, но без подписей эти бумаги ничего не стоили. Шеф начальника просто не принял бы их, он был в этом плане человеком дотошным, старой закалки. Все должно быть согласовано, подписано, учтено.

В час дня Оксана, чуть не плача, занималась тем, что распечатывала на принтере новую копию отчета. Она заранее представляла лица менеджеров, к которым ходила за подписями вчера, и к которым ей предстояло подойти сегодня. Что они подумают? Что скажут? Накосячила, проворонила. Эх, Оксана, а еще надеешься, что тебе поднимут оклад, что выплатят в конце года бонус.

Со свежераспечатанным, еще теплым отчетом девушка поспешила на другой этаж в кабинет к главному бухгалтеру. Его подпись была одной из самых важных на этом документе. Но Оксану ждал новый удар судьбы. Кабинет был заперт, а проходящая мимо сотрудница из бухгалтерии огорошила Оксану известием: «Павел Петрович взял на сегодня отгул».

Как отгул? А вот так, отгул. Пятница, конец сентября, хорошая погода. Мало ли у человека причин взять отгул. Он попросил, ему дали. Какие-то вопросы? Вопросов у Оксаны больше не оставалось. Она уже знала, что последует за потерянными отчетом: выволочка, разочарование начальника, испорченные выходные, а, может, и вовсе – увольнение?

Оксана вернулась на свое рабочее место и в отчаянии закрыла лицо руками. Все пропало. Без подписи главного бухгалтера этот отчет можно разве что положить в туалете, там от него будет хоть какая-то польза. Она уже собралась с духом, чтобы написать сообщение своему начальнику и признаться: оригинал ежемесячного отчета потерян. А там пусть что будет! Слова давались ей с трудом, она стирала и писала сообщение заново несколько раз. Наконец, сказала себе: всё, хватит. Отправляй. Хотела было кликнуть по нужной кнопке, но тут над ее столом повис темный силуэт. Оксана с раздражением посмотрела на стоящего. Ох, это был он, Соколов. Как не кстати и не вовремя!

– Ммм, – неуверенно пробурчал Олег, потом он что-то вспомнил, лицо его осветила мальчишеская улыбка, – Олеся, верно?

– Оксана, – устало поправила его девушка.

– Ох, прости, Оксана, конечно! Такое красивое имя, – при других обстоятельствах эти слова заставили бы ее забыть обо всех невзгодах и неурядицах, она бы уже парила в объятиях Соколова над городом, как на картинах Марка Шагала парят

влюбленные, но не сегодня.

Соколов ожидал, что его чары незамедлительно подействуют на девушку, но та даже не улыбнулась в ответ. Он помялся еще какое-то время, потом наигранно хлопнул себя по лбу и протянул Оксане ту самую папочку с отчетом:

– Я, собственно говоря, вот что принес.

Не веря своим глазам и удаче, Оксана ловко выхватила папку из рук Соколова. Быстро открыла, пробежала глазами документы: все на месте. Тот самый отчет, вот они, все нужные подписи! Ей захотелось обнять любимого до хруста костей, расцеловать все лицо, засосать до синяков нежную шею, но вместо этого Оксана строго спросила:

– Где ты его взял? Я полдня уже ищу эти документы.

– Это странно, но папка лежала у меня на столе. Перед выходными решил разобрать бумаги и нашел ее в стопке своих документов. Но я ее не брал, честное пионерское, – Соколов включил свою самую обаятельную улыбку.

Оксана почувствовала, как все ее тело стремится навстречу любимому, она даже слегка пошатнулась и, чтобы не свалиться со стула, вцепилась одной рукой за угол стола. Лицо ее горело. Оксана опустила голову и сказала:

– Спасибо, история действительно странная, но ты меня очень выручил.

– Всегда к твоим услугам, – почти пропел Соколов и удалился.

Внутри девушки же начал извержение настоящий вулкан.

Вместо крови теперь раскаленная лава неслась по ее венам. И все-таки Соколов – супергерой. Да, не Тони Старк, но он тоже спас ее от неприятностей в последнюю минуту. Из-за того, что всё закончилось хорошо, Оксана быстро забыла инцидент с пропавшими документами. Отнесла отчет начальнику, легко извинилась за небольшую задержку, легко была прощена. Всё было позади. И только коварные Машка с Анькой до конца рабочего дня перемалывали эту ситуацию в мессенджере. Ты видела, как она покраснела? Вот идиотка. Он же понял, что она сохнет по нему! Надо быть дураком, чтобы не понять. Нет, ну ты видела выражение ее лица? Влюбленная курица! Их шалость определенно удалась и скрасила остаток скучной пятницы в офисе.

Оксана же к трем часам почувствовала себя совершенно измотанной: стресс и отсутствие обеда сделали свое дело. К этому времени в столовой почти не осталось нормальной еды, пришлось перекусывать пирожками с яйцом и рисом и салатом мимоза. Нездоровый обед камнем упал в желудок, настроение испортилось окончательно. Да, мысли ее то и дело возвращались к первому настоящему разговору с Соколовым. Она вспоминала, как он ей улыбался, что говорил, как смотрел на нее, как протягивал папку с документами. Эти простые, на первый взгляд, жесты стали для Оксаны почти что эротическим переживанием. Раз за разом она прогоняла в голове их разговор, пока внезапно не ощутила сильное возбуждение. Ни один придуманный бойфренд до этого не вы-

зывал в ней такие чувства. Оксана подумала, что это одновременно страшно и прекрасно. Вот она – истинная любовь! Та, которая сметает все на своем пути, все преграды и стены, которая рождает новую жизнь и строит новый мир.

– Ты чего это такая счастливая? – спросила Машка под конец рабочего дня.

– Не знаю, – уклончиво ответила Оксана, – просто пятница. Впереди выходные, почему бы не быть счастливой?

Подруга странно усмехнулась и предложила:

– А пошли с нами в бар? Мы с Анькой идем после работы.

Оксана собиралась великодушно согласиться. Почему бы и нет? Провести время в девичьей компании, послушать офисные сплетни, рассказать про чудесное возвращение отчета, намекнуть на некие флюиды, заинтриговать подруг. Потом, когда они с Соколовым поженятся, уже такой свободы не будет. Начнется семейная жизнь со всеми ее достоинствами и обязательствами. Только она хотела ответить согласием, как в памяти всплыли: Курский вокзал, поезд и Юрка. Замужем Оксана еще не была, но обязательства, между тем, у нее все же имелись.

– Черт, – простонала она, – я совсем забыла. Мне надо встретить родственника на вокзале.

Машка пожалала плечами: ну, ладно. Как-нибудь в другой раз мы тебя напоим и заставим признаться в своих чувствах к Соколову.

Подруги простились у дверей бизнес-центра, и Оксана

поспешила в метро. Поезд Юрки через несколько минут уже должен был прибыть на конечную. Она нарочно сказала Машке, что едет встречать родственника, а не друга детства или земляка. Ей хотелось избежать домыслов и сплетен. Репутация Оксаны должна быть безупречной для Соколова. Отныне никаких бойфрендов, супергероев и механиков. Ну а Юрка и так не в счет.

Кольцевая, вечер пятницы, привычная толчея, эскалаторы, задержки между поездами в метро – конечно, она опоздала.

Оксана выбежала на Курской, зашла в здание вокзала, успела прочесть на табло, что поезд Юрки уже как двадцать минут приехал, выдавил из себя всех пассажиров и ждал следующего отправления. Как неудачно! И где теперь искать этого недотепу Юрку? Мама в сообщении почему-то не оставила его номер телефона, а Оксана не догадалась спросить. Вокруг сновали люди с баулами, чемоданами и огромными сумками-тележками: дачники, гастарбайтеры и путешественники. Бегали чьи-то дети, невыносимо пахло бомжами и шаурмой. На мгновение Оксане показалось, что у нее начнется приступ панической атаки, но тут мужской голос окликнул ее:

– Ксанка, привет!

Она обернулась. Перед ней стоял невысокий мужчина деревенского склада: крепко сбитый, плечистый, напрочь лишенный шеи и приличного воспитания. Юрка, а это был

именно он, ковырялся указательным пальцем во рту, пытаясь достать остатки еды. Оксана поежилась. Быстрее бы схватить материнские гостинцы и избавиться от него. Друга детства в этом мужлане она, конечно, не признала. Юрка был ее ровесником, но выглядел старше из-за глубоких морщин на лбу и ранней потере волос. У него уже висело приличное пузо под линиялым растянутым свитером. Юрка, наконец, достал мешавший ему кусок еды изо рта и щелчком отправил его на землю. Оксана сдержанно кивнула мужчине и с разочарованием отметила, что вещей при нем нет. Уже успел заселиться в гостиницу при вокзале? Юрка решительно подошел к девушке и крепко обнял:

– Ты чего как не родная, Ксанка?

– Оксана, – недовольно поправила его она. От Юрки пахло поездом и потом, – хорошо добрался? – спросила из вежливости.

– Нормально! Ишь ты, Оксана теперь, да? – усмехнулся он.

– Вообще-то меня так мама назвала, – парировала девушка.

Юрка кивнул:

– Мама твоя – во, женщина! Без нее я бы уж и не знал куда податься.

Оксане не хотелось развивать разговор, она желала поскорее получить причитающиеся ей гостинцы и уехать домой. Выслушивать хвалебные оды матери от Юрки в конце рабо-

чей недели было выше ее сил.

– А где твои чемоданы? Или что там у тебя? – не терпеливо спросила Оксана.

– Сдал, пошли заберем. Я думал, мало ли тебя на работе задержали. Неизвестно, сколько ждать придется. А вокзал – место опасное. Мама твоя рассказывала, что ты много трудишься, пашешь целыми днями, даже некогда замуж выйти, – насмешливо говорил Юрка, пока они шли до камеры хранения. Оксана закатила глаза. Начинается!

– Ты, кстати, ела? Я тут хорошую шаурму на платформе захавал, пока тебя ждал. Хочешь, и тебе куплю?

– Не надо, спасибо, – безучастно ответила Оксана.

Юрка покосился на нее, но больше ничего предлагать не стал. Из камеры хранения он вынес один чемодан и две огромные тяжелые сумки, крепко-накрепко стиснутые серебряным скотчем. Оксана растерялась:

– И какая из них для меня? Чего они тяжелые-то такие?

– Так год-то урожайный! А мать тебя вон как любит. Пол огорода собрала, – засмеялся Юрка, и Оксана заметила, что у него не хватает, как минимум, двух зубов справа сверху. Тоже мне предприниматель. Кафедем торгует! А себе керамику в рот нет возможности вставить.

– Не волнуйся, – заверил ее Юрка, – я тебе помогу, доставлю до дома в целости и сохранности.

Его предложение вызвало у Оксаны категорическое отторжение. Что? Ехать с ним, с этим пропотевшим мужланом

до квартиры? А потом? Угощать чаем? Вспоминать детство, смеяться вместе над прошлыми проказами? Не много ли он себе вообразил?

– Нет, спасибо. Сама справлюсь.

Оксана схватилась за сумку, но та не сдвинулась даже на миллиметр. Юрка с легкой улыбкой наблюдал, как девушка пыхтела и плясала вокруг его вещей. Наконец, Оксана раздосадованно сдалась:

– Она, что, туда камней с огорода положила?

– Кати чемодан, а я возьму сумки. Веди меня до стоянки такси, москвичка Оксана.

Ей пришлось повиноваться. Они вышли из здания вокзала и остановились на углу, около торгового центра. Оксана отметила, что прохожие бросали неприязненные взгляды на их пару: с баулами, около Курского, разумеется, их легко было принять за очередных понаехавших. Но она-то уже стала в Москве своей! Нужно было срочно убираться отсюда. Оксана вызвала такси через приложение. Юрка недовольно поджал губы:

– Дорогу сам оплачу.

– Не надо, там моя карта привязана.

Машину, как всегда, когда спешишь, пришлось ждать долго – минут восемь. Пока мужчины загружали вещи в багажник «шкоды», Оксана успела удобно устроиться на заднем сидении. Она равнодушно смотрела в окно, словно бы была не вместе с Юркой и не имела к нему никакого отно-

шения. Вопреки ее опасениям, Юрка сел не с ней, а рядом с водителем и принялся плести незатейливую беседу:

– Ты сам-то с Киргизии или с Узбекистана? А-а, а я с Волжанска, знаешь такой город? Это на юге, далеко отсюда. Родился-то не там, родился вот с ней в одном поселке, потом с родителями долго мотались, пока в Волжанске не осели. Ты в Москве-то давно? А-а, а я в первый раз приехал. Она-то вон тут давно живет. Почти местная стала. Вон, смотри, фифа какая, косится на нас. Ха-ха! Ксан, я, что, не то что-то говорю? Так ты скажи! Смотри, смотри, злится на меня. У-у, характер! Я ее друг детства, вообще-то. Приехал бизнес открывать. Ага, плиткой торговать буду. Да не этой, а которую дома кладут в ванной. В Волжанске хорошо, но там хорошо жить, а работать надо в Москве. В Москве все деньги. Надо было мне еще пораньше бы сюда приехать, но уж как сложилось. У тебя семья-то есть? Дети? Там или уже сюда перевез? Ну, молодец-молодец. А у меня нету никого, ни детей, ни жены, но все еще впереди. Правильно говорю, Ксан?

Разговор и манера общения Юрки невыносимо злили Оксану. Зачем вообще он полез с расспросами к таксисту? Какое тому дело до них? Поведение Юрки было вопиюще провинциальным. Оксана сразу вспомнила похожие подмигивания, полушутки-полуиздевки, которые в ее школе девчонки принимали за флирт от мальчишек, а те просто не умели и не знали, как можно по-другому общаться. Получается что же, Юрка с ней пытается флиртовать? Оксана прикрыла

глаза и вспомнила Соколова. Как он сказал? Всегда к твоим услугам. Да Юрка и близко не лежал к такому уровню общення, к такому легкому, почти невесомому, но умелому флирту. Деревенщина! Хотелось поскорее отправить его восвояси. Внезапно страшная догадка потрясла Оксану. Она резко выпрямилась и с ужасом уставилась на Юркин затылок: а было ли куда ему идти? Забронировал ли он жилье? Снял комнату или квартиру? Юрка пока ни словом не обмолвился об этом. Неужто он надеется перекантоваться у нее? Сердце тоскливо заныло. Разве можно чего-то хорошего ожидать от земляков? Вечно какие-то просьбы да подставы. Оксана с отчаяньем подумала, не выскочить ли ей из такси на ближайшем светофоре. Но водитель знал ее домашний адрес. Девушка откинулась на спинку сидения. Какой длинный, почти бесконечный день. Когда же он закончится?

У подъезда ее дома Юрка помог таксисту разгрузить багажник и сунул ему в руку деньги. Когда машина уехала, Оксана недовольно сказала:

– Чаевые можно оставить в приложении.

– А так, что, нельзя? Должен же я поблагодарить человека! Ну, какой этаж? – спросил Юрка, подхватывая сумки.

Этаж был третий. Юрка сбегал один раз, потом вернулся за чемоданом. Наверное, тут надо было сказать ему проникновенное спасибо и нагло отправить на все четыре стороны, но Оксана не смогла. Грубо как-то, неправильно. Пусть зайдет, а Юрка, разумеется, хотел зайти. Зайдет и чаю выпьет.

А потом – до свиданья.

В маленькой прихожей все пространство заняли чемодан и сумка. Сумку с гостинцами Юрка по указке Оксаны отнес на небольшую кухню. Девушка поставила чайник, Юрка попросил нож, чтобы разрезать серебряный скотч и, наконец-то, высвободить подарки с малой родины. По очереди, одна за другой, из сумки показывались банки: икра кабачковая, икра баклажанная, соленые огурцы, соленые помидоры, маринованный чеснок. На кухне сразу же запахло далеким родительским домом, детством, мамиными руками. Оксана расслабилась и даже немного подобрела.

– Могу отварить макароны, – щедро предложила она.

– Ну это можно, – согласился Юрка, – ты пока на стол соображай, а я помоюсь пойду. Сама понимаешь, с дороги вонючий, целые сутки без душа.

От его наглости Оксана оторопела. Мимолетная передача сумки с гостинцами затягивалась все сильнее и сильнее. Она услышала, как в ванной полилась вода, и с ужасом подумала, что Юрка – первый мужчина, настоящий мужчина из плоти, крови и пота, переступивший порог ее квартиры, не считая сантехников и электриков. Господи, да как она это допустила? Не Юрка это должен был быть, а Соколов, ее единственная любовь и судьба! А теперь что? Юрка поливался в ванной, натирал свое заскорузлое тело, тер себя ее мочалкой, вытирался чистым полотенцем. Голый и чужой мужчина в ее ванной! Оксане стало противно. Она почувствовала се-

бя продажной женщиной. Продалась за банки с огорода, пустила в дом по сути незнакомца, первого встречного. Да как она могла? Что бы на это сказал ей Соколов? И как теперь выставить Юрку вон? Вот ведь прилипчивый какой оказался, пустите попить, а то так есть хочется, что переночевать негде. От мысли, что Юрка запросится на ночевку, Оксане совсем поплохело. Нет, с этим пора заканчивать.

Когда гость вышел из ванной, сумка с гостинцами была уже разобрана, а на столе дымилась тарелка с макаронами, на ее краю лежали две розовые сосиски. Второй тарелки не было. Оксана решила таким образом показать, что Юрка в ее квартире гость нежданный и нежеланный. С ним вместе она не собиралась трапезничать. И так уделила ему кучу времени и внимания, жаловаться тут было не на что. Оксана стояла у окна, скрестив руки на груди, всем видом показывая, что присутствие Юрки ее тяготит. Тот, конечно, не мог не заметить ее настроения, но лишь усмехнулся, потом хлопнул себя по ляжкам и метнулся в прихожую. Из прихожей он появился уже с початой бутылкой водки:

– Рюмки есть, хозяйюшка?

Оксана возмутилась:

– В моем доме не пьют!

– Да ладно тебе, я ж с дороги. Ты не переживай, поем, выпью и свалю. И так спасибо тебе большое за кров и помывку. Как новенький стал! Вся усталость ушла.

Его слова немного успокоили Оксану. Она достала рюмку

и поставила на стол перед Юркой. Он быстрым движением отвинтил крышку и уверенно налил до краев. Поднял рюмку в сторону Оксаны и торжественно произнес:

– Ну, за тебя!

Опрокинул водку в себя одним махом и принялся наворачивать горячие, разварившиеся макароны.

– Слушай, Ксан, тебе бы ремонт не помешал. В ванной-то совсем плитка старая, потрескалась уже. Хочешь, подгоню тебе? У меня на складе есть итальянская, красивая! Мы ее через пару недель в Москву привезем. Договорились, да? Ванная будет – загляденье! А то сейчас, честно говоря, ну Ксан, честно, ну это просто позорище.

Оксана присела на краешек стула и с омерзением наблюдала за Юркой. Ел он шумно, неаккуратно, говорил с набитым ртом, чавкал и причмокивал. Слюни его с остатками еды летели по всей кухне.

– Не надо мне ничего, я пока не хочу ремонт делать.

– Ну это ты не хочешь, потому что у тебя денег нет на бригаду и мужика нет, чтобы самостоятельно ремонт сделать. А я тебе бесплатно плитку подгоню, за доброту твою и вот, за ужин этот. Могу и с ремонтом помочь. Старую отобью, дело, конечно, хлопотное, но справлюсь. И новую положу. Это я умею, не сомневайся.

Юрка противно осклабился и налил себе еще водки:

– Точно не будешь?

Оксана замахала на него руками:

– Не буду, говорю же тебе! И не надо мне никакой плитки. И вообще, с чего ты взял, что у меня мужика нет? Есть у меня мужик.

Юрка пожал плечами. От мытья, горячей еды, водки и утомительной дороги он быстро захмелел. Лицо его покраснело и немного припухло, глаза увлажнились.

– А мать твоя говорит, что нет у тебя никого. Выходит, мать, что, врет что ли? А я говорю, что не будет мать твоя врать. Твоя мать – святая женщина! Так, выходит, ты что ли врешь? Мне? Или матери своей? Ну, ладно, мне, я так, пассажир, а матери-то грех врать!

Этот разговор тяготил Оксану. Она жалела обо всем, что случилось вечером, начиная со своей поездки на Курский вокзал. Сдались ей эти банки, эти гостинцы. Все в Москве можно купить в любом «Дикси». Так нет же, впустила в дом, разрешила пить водку, а теперь что прикажешь с ним делать?

– Не твое дело, кто кому врет или не врет, – резко ответила Оксана, – есть у меня парень. Он у своей мамы сейчас в гостях.

– О как! Парень у нее есть! – обращаясь непонятно уже к кому произнес Юрка. Он опорожнил третью рюмку и доел свой нехитрый ужин, – ну и характер у тебя, Ксанка, тяжелый. Поэтому и мужика нет. Таковую фифу не каждый вытянет, но ничего, и не таких обкатывали, – он вальяжно откинулся на спинку стула и громко и пьяно загоготал, в этот момент Оксане вдруг стало до жути страшно.

Она всё вспомнила. Вспомнила, от чего бежала из родного поселка: от такого вот будущего. Вспомнила пьяного бату, который каждый вечер наливался самогонкой по самые уши, а потом часами таскал за волосы ее мать по всему дому. Оксана и придумывать-то стала разное про свою жизнь из-за отца. Правду кому скажешь? Кому интересна эта правда: вечно бухой папаша, вечно избитая мать. Интереснее были фантазии, в них было спокойно и хорошо. Безопасно. Стоило только закрыть глаза, и вот ты уже не в забытом богом поселке, а на юге Италии. И мать твоя графиня, и отец – видный аристократ. А у тебя не продленка, а гувернантка-француженка. И ешь ты не картошку в мундире, а самую вкусную на свете пиццу. Так жизнь Оксаны и начала раздваиваться, постепенно, вечер за вечером, фантазия за фантазией.

Она вспомнила запах перегара и крепкого самопального алкоголя. Запах въелся в стены кухни и в мебель, и еще долго не выветривался после смерти отца. Она вспомнила и как он умер. Ушел к приятелю пить. Им, как всегда, не хватило, но магазин уже не работал. Они нашли в гараже канистру с какой-то жидкостью, добавили в нее воды и зачем-то соды, выпили вместе эту бурду, а на утро приятель очнулся и нашел отца Оксаны уже окоченевшим. На похоронах мать редела и кидалась на гроб, причитая: «Как мы без тебя будем? Как жить-то без тебя будем?» Хотя всем было понятно, что жить им станет только легче. Про отца на поминках говорили, что он отмучился, но на самом деле, отмучились Оксана

с матерью. Через положенный год траура мать начала встречаться с другим. Оксана с удивлением поняла, что ее мама – еще вполне молодая женщина, ей ведь не было даже сорока, хотя выглядела она старше. Те вторые, более удачливые отношения, принесли свои плоды. У Оксаны появился младший брат. Да, отчим, конечно, тоже выпивал, но пьяным любил петь песни, а не устраивать мордобои. Соседки откровенно завидовали их семье. Надо же, разведенка, да с дочерью, а нашла себе мужика хорошего. Всем бы такого! Но Оксана не хотела ни такого как отчим, ни тем более такого, как папаша. А других в поселке не водилось.

И вот жизнь опять подсовывает ей тот же сценарий. А она уже его читала в детстве, знала каждое слово наизусть. Оксана поняла, что это мать сосватала ее Юрке. Приезжай, живет одна, мужика нет, будет рада, останешься, привыкнете друг к другу, а там – поженитесь, родите. О чем она думала? Зачем хотела для нее такой судьбы? Злость бурлила внутри Оксаны, она смотрела на Юрку, но видела своего отца.

– Убирайся, – зашипела Оксана.

– Что? – не расслышал Юрка, он уже допил водку и привычно поставил пустую бутылку под стол.

– Я говорю, убирайся сейчас же из моей квартиры! – повысила голос девушка.

– Ксан, ты че? Тебе самой выпить надо, расслабишься, может, поласковой станешь, – ухмыльнулся Юрка, – у меня в загашнике еще одна бутылка есть. Сейчас принесу.

– Не буду я с тобой пить. Проваливай, понял?

– Или что? – взгляд Юрки вдруг стал недобрый, в нем появился холодный, безжалостный отблеск, – мужика своего позовешь на помощь? Где он, мужик-то твой? Мужик, а-у! Приходи спасать Ксаночку от злодея! Ну, где же мужик-то? А я тебе так скажу: нет у тебя никакого мужика!

– Есть! – громко крикнула Оксана. Она знала, есть, у нее есть Соколов. Ах, если бы он только знал в какой переплет она попала!

Юрка вдруг резко вытянул руки и схватил ее за плечи, схватил сильно и больно, потащил по коридору в ванную, затолкнул внутрь, и, не отпуская, сказал:

– А где зубная щетка твоего мужика? Я вижу только одну. Где его мочалка? Где бритва его? Чем он рожу по утрам бреет? Твоей, что ли, пользуется? Где трусы его? А носки где? Ну, что? Долго еще врать мне будешь?

Он обхватил шею девушки одной рукой и попытался прижать ее лицо к своему. Не помня себя, Оксана извернулась и ударила Юрку коленом в живот. Хотела куда пониже, но уж как вышло. Он охнул, согнулся пополам и свалился на пол в коридоре.

– Жирная сука, – прохрипел Юрка. Если бы он не был настолько уставшим и сомлевшим от жратвы и водки, он бы ей показал, она бы навсегда этот вечер запомнила, да она бы три дня ходить не могла.

– Монатки забирай и проваливай, иначе ментов вызову, –

отдышавшись, уже спокойно и твердо сказала Оксана. И Юрка не сомневался: эта вызовет.

Оксана сидела в комнате и ждала, пока несостоявшийся насильник покинет ее квартиру. Она слышала, как Юрку вырвало два раза в коридоре. Конечно, он мог бы добежать до унитаза, но делать этого не стал. Нарочно, гад, сволочь. Слышала, как он от бессилия обзывал ее обидными словами: жирная сука, старая дева, страшила. Оксана сидела с каменным лицом, но в душе боялась, что Юрка войдет в комнату, опять вздумает начать то, что она пресекла в ванной. Наконец, дверь хлопнула. Ушел.

Оксана еще некоторое время не выходила из комнаты, никак не могла себя заставить, потом побежала в прихожую и закрыла дверь на щеколду, – так спокойнее и надежней. Из коридора несло кислой рвотой. Девушка зашла в ванную и намазала ноздри «звездочкой». Этому она научилась от матери, той тоже частенько приходилось вымывать полы от отцовской блевоты. Оксана налила в оранжевое ведро воду и принялась за уборку. По щекам ее медленно и тихо ползли теплые слезы, но она не вытирала их. Ей было противно трогать лицо. Противно было находиться в этой квартире. Противно было чувствовать себя живой.

На утро она проснулась больной. Тело ломило, кидало то в жар, то в озноб. Оксана померила температуру – нормальная, но организм отчаянно просил помощи. Терафлю, нурофен и цитрамон (больше в аптечке ничего не водилось)

не помогали. Голова раскалывалась на две части, к вискам было невозможно прикоснуться. От монитора нестерпимо болели глаза. Лежать невозможно – тошнило. Сидеть тоже – судорогой скручивало икорные мышцы. Оставалось только ползать из комнаты в кухню и обратно. Еда не лезла в горло, вода шла носом. Человек не машина, сломаться не может, а она вот сломалась. Оксана знала, что этот день ей поможет пережить только чудо.

Около двух завибрировал мобильный, звонила мама. Девушка ответила на звонок, хотя догадывалась, что ничего хорошего родительница ей не скажет. Но вдруг этот разговор – их последний?

– Алло? – слабо ответила Оксана.

– Ксанка, ты чего учудила-то? – вот так, без приветствий, сразу начала отчитывать ее мать, – ты зачем Юрку-то выставила? Как мне теперь в глаза его родне смотреть? Что люди-то про нас теперь говорить станут?

– Мам, – сказала было Оксана, но мать ее перебила.

– Чего «мам»? Мам да мам всё! Не мамкай! Я тебе такого парня хорошего отправила: работающий, порядочный, бывших жен нет, детей нет, золото, а не парень! А ты? Всё профукала да еще опозорила! Ну, выпил он малясь, а кто не пьет? Московские твои не пьют что ли? Вон по телевизору каждый день показывают аварии со смертями. Ехал пьяный по Кутузовскому, сбил насмерть то детей, то женщин беременных. А Юрка пил у тебя на кухне, чинно-благородно, под

закуску. Устал человек, столько ехал, имеет право, в конце концов! Для тебя же пёр сумку. И в кого ты такая неблаго- дарная? Москва тебя так что ли перемолола?

– Мам...

– Ну, чего «мам»? Сама бы с ним выпила, развесели- лись бы, посмеялись, пошутили, глядишь, и общий язык на- шли. Ничего в этом такого нет. Рюмочку-другую и для жен- ского здоровья можно. Алкоголь полезен в малых дозах, слы- шала? Я тоже, бывает, пригублю за ужином, и что? Я, что, из- за этого алкоголичкой стала? Нет, не стала. Пьяной не валя- юсь под заборами. Весь огород на мне и всё хозяйство. А ты, Ксан, уж совсем стала истеричная в столице своей. Такой па- рень хороший к тебе приехал, с намерениями добрыми. Я ему про тебя рассказывала, фотки твои по ватсапу скидыва- ла. Он мне писал, что ты симпотная, нравилась значит!

– Он меня изнасиловать хотел, – выпалила Оксана и по- чувствовала, как кровь прилила к голове. Еще немного – и удар хватит, подумала она.

Мать запнулась на секунду, всего секунду, а потом снова затараторила:

– Ксанка! Ты чего на человека наговариваешь! Тебе не со- вестно такое болтать? Да наш Юрка никогда бы тебя и паль- цем не тронул (Оксана отметила это «наш», значит, сама она была уже не «их», а чужая, посторонняя). Ты от мужиков со- всем отвыкла там, в Москве своей? Ну, понравилась, может, ты Юрке, так радоваться надо, а не лупить в живот коленкой.

Хорошо еще, что он не злопамятный, жаловаться не станет, а ты его в таких вещах страшных обвиняешь! Извиниться тебе перед ним надо. Поняла? Я тебе в ватсап его номер скину, вот позвони и извинись.

Мать еще что-то говорила и говорила, но Оксана почувствовала вибрацию телефона – это пришло уведомление. Она решила посмотреть, так, от невыносимости этого разговора, от постоянного непонимания, от какой-то глухой безысходности. В стандартном сообщении от социальной сети значилось: такой-то хочет добавить вас в друзья. Оксана прочитала ник и не поверила своим глазам: sokol888ol. Соколов? Олег? Она едва не задохнулась, быстро нажала на красную кнопку и прервала бестолковую тираду матери. Оксана знала, что в этой соцсети у настоящего Соколова был другой ник. Это какой-то розыгрыш? Злая шутка? Она перешла на профиль: пустой аккаунт, нет фотографий, нет никаких записей, нет даже аватарки. Что за бред? Оксана хотела отклонить запрос от sokol888ol, но в это самое мгновение от него пришло сообщение: «Привет, Оксана! Это Олег Соколов с работы, не пугайся. Это мой фейковый аккаунт. Пойму, если не добавишь в друзья. Всё выглядит странным, но я могу объяснить». О, она еще как жаждала его объяснений, поэтому без лишних сомнений подтвердила заявку в друзья. Однако, отвечать сразу не стала. А как хотелось! Но – нельзя. Нужно немного подождать, растянуть удовольствие от любовной игры. Да, он молодец, написал, не стуше-

вался, нашел способ связаться с ней. Но если Соколов быстро добьется своей цели, быстро получит ее расположение, ее любовь, он может так же быстро и остыть. Нет-нет, нельзя этого допустить. Пусть помучается, как мучилась она. Пусть потомится ожиданием и сомнениями, – тем слаще будет их первое свидание.

В тот вечер Оксана заснула рано, еще не было и десяти вечера, а наутро проснулась и почувствовала себя абсолютно здоровой. Морок прошел, больной туман рассеялся. Чудо произошло! Соколов во второй раз спас ей жизнь.

Почти каждое воскресенье после завтрака (яичница, черный кофе, бутерброд с сыром и какая-нибудь конфетка, напоминающая советское детство, вроде «Каракума») Оксана отправлялась за покупками в ближайший к дому супермаркет. Иногда, если не было настроения или шел дождь со снегом, она заказывала продукты на дом, но все-таки больше любила ходить самой, рассматривать мелкий шрифт на упаковках, выбирать сроки годности, прощупывать яблоки и авокадо, приниматься к помидорам, спонтанно класть в корзину печенье или мороженое.

В этот раз в магазине Оксана вдруг очутилась в отделе с товарами для мужчин. На полках стояли гели для душа, шампуни и дезодоранты преимущественно темно-синего и черного цветов – суровая мужская палитра. Поначалу Оксана растерялась, но потом даже вошла во вкус. Кидала в корзину всё подряд и даже про мочалку не забыла, тоже невеселого серого цвета.

Перед кассиром она почему-то засмушалась, почувствовала себя мошенницей, когда он равнодушно пропикивал сканером один за другим купленные в мужском отделе товары. Быстро запихнула их в холщовую сумку и сбежала с места преступления. Щеки горели, стыд гнал ее поскорее домой. Оксане показалось, что кассир всё понял и другие люди

в очереди тоже – всё поняли.

Дома она сперва разобрала из сумки продукты. Обычный набор на неделю: сыр, сосиски, пачка гречки, пачка макарон, кетчуп, куриные бедра, творог, сметана, йогурты и так, остальное по мелочи. Много брать не стала, надо же съесть пресловутые гостинцы с малой родины, хотя глаза на них пока не смотрели.

Потом зашла в ванную и начала расставлять покупки: рядом с ее желтым гелем для душа теперь стояла темно-синяя бутылка, рядом с ее розовой мочалкой болталась серая. В стаканчик с ее оранжевой зубной щеткой подселась темно-фиолетовая соседка. Мужской шампунь в черной бутылке занял свое место на полке рядом с ее шампунем ярко-салатового цвета. Вот тебе, Юрка, получи. Вот гель для душа, вот мочалка, вот шампунь моего парня. Ясно, тебе? Понял теперь? Оксана закончила работу по расставлению бутылочек и придиричивым взглядом окинула ванную комнату. Та неуловимо изменилась. Было в ней теперь что-то не то, чувствовалась какая-то фальшь. Резко выделялась эта новенькая зубная щетка на контрасте с ее собственной, уже давно находившейся в пользовании. Почему-то одного взгляда было достаточно, чтобы понять: никто этой зубной щеткой не пользовался и никогда не будет.

Еще мочалка. С мочалкой была такая же история: слишком новая, кричаще новая. Она уместно смотрелась на полке в магазине, но не в ванной Оксаны. Все эти предметы бы-

ли чужеродными и фальшивыми. Бутафория, реквизит для спектакля! Не было в них настоящей жизни, не было в них самого главного – Соколова. Оксана смотрела на покупки и не чувствовала его энергетику, его присутствие. Кого она пыталась обмануть? Соколов никогда не мылся этим гелем, не брился этой бритвой, не пользовался этим дезодорантом. Она вообще не имела понятия, какие марки и бренды он предпочитал, какие ароматы любил. Была ли у него аллергия на какие-то компоненты? Оксана разозлилась, конечно же, на себя. Вот дура, зачем она это всё накупила? Кому хотела что-то доказать? Юрке? Да он никогда больше не переступит порог ее квартиры. Девушка схватила с полок купленные бутылки и убрала их в нижний ящик шкафчика. Выбрасывать покупки было жалко, все-таки они обошлись ей в приличную сумму, то и смотреть на них не было никаких сил.

Покончив с ванной комнатой, Оксана прошла в единственную комнату своей квартиры, служившую ей и спальней, и кабинетом, и гостиной. Девушка удобно устроилась на кровати и взяла в руки телефон. Хватит мучить Соколова, пора уже ему ответить.

Привет!... Жду объяснений (в конце – скромно улыбающийся смайлик).

Всего-то три слова и один эмодзи, но сколько нервов ушло у нее на это сообщение. Оксана почувствовала, как сильно забилося ее сердце, пока она набирала свое послание. Вдруг именно сейчас всё и решится? Что он ответит? С одной сто-

роны, Оксане было приятно, что Соколов сам вышел с ней на контакт, но с другой стороны, ей было противно – он пишет ей с фейка, значит, обманывает свою девушку. Неужели всё, что она читала про Стрельца в интернете, – это правда? А когда они будут вместе, где гарантии, что Соколов не будет напisyвать с левых аккаутов другим девицам? Нет таких гарантий. Их отношения еще толком не начались, но уже вымотали Оксане всю душу. Она с тоской вспомнила свое недавнее легкое прошлое: выдуманные романы, выдуманные рестораны, выдуманные роскошные отели и автомобили. Как просто жить в выдуманном мире! Там никто не переписывается с фейков, там всё – фейк, но фейк радостный, не приносящий никому горя и мучений.

Олег ответил через полчаса. Без приветов и прочих вежливых расшаркиваний он прислал следующее: «Мне скучно. Пришли сиськи». Оксана отпрянула от экрана телефона. Перечитала сообщение тысячу раз и все равно не верила своим глазам. Он, что, тоже выпивает, как Юрка? У него биполярное расстройство? Только этим можно было объяснить, почему так резко отличались друг от друга сегодняшнее и вчерашнее сообщения. Если вчера Оксана с легкостью поверила, что ей написал настоящий Соколов, то сегодня ее поразило неприятное открытие: над ней кто-то зло подшутил. Кто-то очень жестокий, тот, кто догадался об ее чувствах к Соколову. Кто-то внимательный, близкий к ней. Машка? Кроме нее было некому. Оксана не была гением, но и глупо-

стью не отличалась. Сложить простые факты и сделать выводы не составляло для нее труда. Стало обидно, ведь внезапное счастье обернулось предательством близкой подруги. Да и черт с ним, с этим предательством, но вот то, что всё это время она радовалась пустому общению, питалась ложными надеждами – вот это было тяжело.

Сначала Оксана решила заблокировать фейковый фейк, удалить переписку, а на работе просто перестать общаться с предательницей. Но потом ей пришла в голову еще одна мысль, намного лучше: использовать ситуацию в свою пользу.

Оксана сделала скриншот переписки, зашла на настоящий аккаунт Соколова, выслала ему снятый скриншот и написала приветственное сообщение:

«Привет, Олег! Это Оксана с работы. Подозреваю, что стала жертвой розыгрыша. Это же не ты?»

Удивительно, но Соколов отреагировал почти мгновенно. Оксана даже не успела напридумывать варианты его ответов, а он уже прислал:

«Оксана, приветствую. Какой ужас. Конечно, это не я. Надо обязательно связаться со службой поддержки, пожаловаться на фейк. Я сам этим займусь, если ты не против». Сам решу и сам займусь – Оксане нравилась его мужская решительность. Впервые за день она улыбнулась и, наконец-то, расслабилась. Все-таки ей удалось добиться своего: она вела переписку с настоящим Соколовым! Но это было еще не всё.

После ее сообщения: «Я так и поняла, что это не можешь быть ты. Да, делай то, что считаешь нужным», Соколов ответил: «Отлично» (с эмодзи «поднятый большой палец»), а потом – тра-та-та-та – прислал ей запрос на добавление в друзья. Выкуси, Машка! Ты хотела посмеяться, придумала злую шутку, но невольно помогла наладить контакт с Соколовым.

Единственное, что удалось стерве Машке, так это украсть трепет от первого виртуального общения с Соколовым. Когда Оксана отвечала фейку, она чувствовала этот трепет, ее душа дрожала, сердце отчаянно билось, потели ладони. Когда же она писала настоящему Соколову трепета больше не было. Ушел, испарился трепет, ладони не потели, всё вышло по-деловому четко и просто. Как покупка продуктов на кассе самообслуживания.

Оксана приняла запрос, выслала ответный, дождалась подтверждения от Олега (считанные секунды) и вот его страница стала ей доступна для просмотра, лайков и комментариев. Оксане было нестерпимо любопытно: вот сейчас она увидит соперницу, его девушку, пока еще не бывшую, пока еще настоящую. Это, конечно, вопрос времени, но все-таки... Именно та девушка возможно находится сейчас рядом с ее Соколовым, обнимает его, целует, строит планы. Она знает Соколова, знает с тех сторон, о которых Оксана пока смеет только мечтать. Да, посмотреть на нее любопытно, но и страшно, отчего-то невероятно страшно. Как зайти в комнату страха при бродячем цирке. Ты знаешь, что на са-

мом деле тебе ничего там не грозит, но все равно боишься. Эх, ладно. Была не была! Оксана открыла страницу Соколова. На ней по-прежнему висели всего три фотографии.

Публикация первая. Август, два года назад. Спокойная гладь моря, белый песок, безоблачное небо. Классический отпускной пейзаж. На его фоне две уже вполне прилично загорелые фигуры в полный рост – Соколов и его девушка. Девушка в кепке и солнечных очках. Разглядеть получше ее лицо в силу ракурса и маскировки Оксана толком не смогла. Но зато без труда на снимке было видно, как рука Соколова крепко прижимает к себе девушку, а его ладонь уверенно лежит на ее ягодицах. Счастливая пара выбралась на море, долгожданный отдых и все такое прочее. Под фотографией для сомневающихся Соколов написал следующее: «Отпуск!!!» Оксана поморщилась.

Публикация вторая. Июль, год назад. Почти тот же антураж: море, пляж, но уже на закате. Малиновые лучи солнца красиво отражаются в темных волнах. На снимке опять присутствуют две фигуры – Соколов и вроде бы та же девушка. Она обнимает его за шею, он обнимает ее за талию. Прошел год, а их чувства по-прежнему крепки. И вновь они на море, счастливы и влюблены друг в друга. Фотография снова сделана издалека, лицо девушки обращено к Соколову – ни черта не разглядеть. Под этим снимком Соколов не поспешил на слова: «На море с любимой». Оксана фыркнула.

Публикация третья. Август этого года. Ничего нового:

пляж, море, безоблачное небо. Те же постылые две фигуры в том же надоевшем ракурсе. Она прижалась щекой к его плечу, он привычно обнял ее за талию. Но можно хоть немного разглядеть черты ее лица. Обычная. Ни уродина, ни красавица. На такую взглянешь и через минуту забудешь. Правильные черты лица, сказали бы многие. Скучные черты лица, подумала Оксана. Лоб как лоб: не высокий, но и не низкий. Глаза не большие, но и не маленькие. Губы не тонкие, но и не пухлые. Впрочем, фигуру она умудряется сохранять хорошей из года в год. А, может, нарочно готовится к этой безыскусной пляжной фотосессии? Худеет, изнуряет себя в зале. Под этой публикацией Соколов и вовсе ограничился одним эмодзи «красное сердце». Оксана успокоилась. Пара вместе, как минимум, три года – пора бы уже пожениться. И где же фотография предложения на фоне моря и пляжа? Ну, что же ты, Соколов? Значит, что-то не так в отношениях, что-то идет криво, что-то точит его сердце (а, может быть, ее сердце?). Нет уверенности в партнере, в их будущем, нет желания стать одной семьей. Не смогла эта обычная, но бесспорно стройная брюнетка завладеть душой Соколова настолько, чтобы он перестал флиртовать с девушками в офисной столовой. Не смогла обуздать Стрельца. Оксана была уверена: у нее-то получится. Вопрос времени, буквально двух-трех недель. Прости, незнакомка, ничего личного. На четвертой фотографии в этом аккаунте тебя уже не будет.

Ночью Оксане приснилась неизвестная комната. Хорошая

такая комната, большая, метров двадцать. Посредине комнаты стоял накрытый белой скатертью круглый стол. Стол добротный, отменного качества, вероятно антикварный, дубовый. За столом сидели трое: Соколов, его мать и сама Оксана. Мать Соколова в этот раз звали Анна Карловна. Оксане ее никто не представил, она просто знала, что вот сидит Анна Карловна, мать Олега. Сочетание имени и отчества все равно выходило немного экзотическим, но уже походило на правду. На столе стояли красивые фарфоровые чашки с чаем. Анна Карловна и Соколов молча пили чай. Оксане тоже захотелось. Она поднесла чашку ко рту и почувствовала сильный запах спирта. Принюхалась сильнее – и точно. В чашках под видом чая был налит крепкий алкоголь. Возможно, виски. Оксана сильно удивилась и вопросительно посмотрела на Соколова, но на его месте уже сидел мерзкий Юрка. А Соколов будто растворился в воздухе. Юрка недобро ей улыбнулся, грохнул по дубовому столу кулачищем и рывкнул: «Покажи сиськи!» Анна Карловна интеллигентно улыбнулась и пожалала плечами, мол, ну что с ним поделаешь, вот такой он у меня чудак. Сон грозил обернуться кошмаром, но по счастливой случайности телу Оксане надоело лежать в одной позе. Она перевернулась на другой бок, и сновидение прервалось. Стало сниться что-то другое, незапоминающееся и неважное.

8

А потом в жизни Оксаны началась какая-то ерунда. Контакт с Соколовым вроде бы был установлен: они приветствовали друг друга по утрам в офисе, перебрасывались пустыми словами у кофемашины, иногда говорили друг другу «пока» перед уходом домой. Так длилось днями. Дни сложились в неделю. Одна неделя сменила другую, а больше ничего не происходило. Соколов не писал ей в соцсети, Оксана тоже не могла выдумать повод, чтобы отправить ему сообщение. Она видела, что поддельный аккаунт sokol888ol очень скоро заблокировала служба поддержки, видимо, по жалобе Соколова. Молодец, расправился с недоброжелателем, но дальше-то что? Эта тема была исчерпана. Правда, с Машкой Оксана общаться не перестала. Надо же было с кем-то ходить обедать, болтать о чем-то, поддерживать социальные связи. Но теперь в их общении не было прежней свободы. Оксана строго следила за тем, что говорила подруге, тщательно подбирала слова, старалась не сказать лишнего. Машка, конечно, заметила это отчуждение, но копаться в причинах не стала. Догадалась сама, наверное. Иногда к ним в столовой присоединялась Анька. Она трудилась личным помощником генерального и не отлипала от рабочего телефона: бронировала билеты, столики в ресторанах, заказывала подарки и букеты, нанимала домашний персонал, увольняла домашний

персонал, собирала совещания, заказывала продукты, давала распоряжения от имени начальника, обзванивала курьеров, искала документы, словом, у нее всегда было много, очень много работы. А телефон, казалось, был встроен в ее левую ладонь. Анька походила на киборга: на три четверти – человек, на одну четверть – телефон. Но при такой нечеловеческой загруженности она успевала быть в курсе всех офисных сплетен: кто кому чего когда зачем и почему. О, она это обожала.

На излете второй недели Когда Ничего Не Происходило, Анька прибежала в столовую, плюхнулась на стул, отпила компот из стакана Машки и прошептала, вернее, даже прошипела:

– Я к вам на три минуточки. Прикиньте че! Мне Олежка фотку своего члена прислал.

Машка глупо захихикала. Оксана ожидаемо покраснела и неожиданно рассвирепела. Да как она смеет порочить честное имя Соколова!

– Ща покажу, – продолжила шипеть Анька и полезла в телефон, – так, ну где его причиндалы. А нет, это не его, ха-ха. И это не его. Это вообще рабочий мобильник. Ща, минутку.

Машка продолжала хихикать в кулачок, хитро посматривая на Оксану. Та всё моментально поняла. Это опять розыгрыш! Очередной фейк. Конечно, это не член Соколова, он к этому члену никакого отношения не имеет. Не будет он отправлять подобные фото, не такой он человек. Машка с Ань-

кой опять решили ее разыграть. Скачали фотку с какого-нибудь порносайта. Оксана закатила глаза: бабам за тридцать, а ведут себя как семиклассницы. Она сказала:

– Можете не стараться, я вам все равно не поверю.

Машка прекратила хихикать и удивленно спросила:

– В смысле?

– Вы все это придумали, как тогда, с фейком. Но я вас раскусила. А теперь вы придумали новую шутку. Не смешно. И я вам не верю.

Анька будто бы и не слышала их разговор. Ей кто-то позвонил, пришлось отвлечься от поиска члена Соколова. Машка округлила глаза:

– Оксан, да ты что. Какой фейк?

– Ты знаешь какой. Якобы от Соколова, якобы с просьбой прислать фотку сисек.

– Что? – пискнула подруга, – он тебе такое писал?

– Это был не он, это были вы, – уверенно ответила Оксана.

Анька, наконец, закончила разговаривать, открыла нужную переписку на своем личном уже телефоне и продемонстрировала снимок подружкам. В принципе, ничего необычного или неожиданного на фотографии не было: просто эрегированный член. Унылого среднего размера, уныло не бритый. Машка скривилась:

– Вот ублюдок. На него надо в суд подать за домогательства.

Оксана даже не стала рассматривать снимок:

– А откуда ты знаешь, что это его? Это может быть любая фотка из интернета.

Анька закивала, наспех делая еще глоток компота из стакана Машки:

– Да-да, ты права. Может, это и не его причиндалы. Но прислал-то мне фотку именно Соколов. Вот, смотри!

Подруга пролистнула переписку на самое начало (Оксана с неприязнью отметила, что переписка была довольно длинной с обилием смеющихся эмодзи и красных сердечек) и указала наманикюренным пальчиком на ник. У Оксаны всё поплыло перед глазами. Она моргнула один раз, потом еще, потом начала моргать сильно-сильно, но морок не проходил. Соколов действительно переписывался с Анькой со своего настоящего аккаунта. Подруга убрала телефон, подскочила со стула и уже на бегу сказала:

– Вот так, подруги. Вот вам и несвободный мужик!

Анька не хвалилась, не показывала своего сомнительного превосходства, а просто с легкой грустью констатировала факт. Соколов был повесой и козлом, он давно вел с ней переписку, итогом которой стала пересылка интимной фотографии. Оксане хотелось рыдать. Но нельзя. Нет-нет. Зажать губы, взять себя в руки, держаться.

Машка слегка присвистнула:

– Ну и кадр! И тебе, говоришь, тоже написывал? То-то он всех девчонок из офиса надобавлял в друзья. Не завидую я его бабе. С бабником жить – себя не уважать.

Оксана не знала, что и думать. Кто писал ей с фейка? Раньше она была уверена, что это так извращенно развлекались ее подруги. Но теперь терялась в выводах.

– Мне он писал с другого аккаунта.

– Конечно. Шифруется, гадина. Вот бы его бабе показать эту переписку.

– Не знаю, не знаю, – прошептала Оксана. У нее сильно заболела голова, столовая слегка кружилась перед глазами. Машка обеспокоенно спросила:

– С тобой всё в порядке? Может, к врачу?

К патологоанатому! – хотела крикнуть Оксана. Как жить дальше после всего этого? Как жить? Да и надо ли? Почему всё было настолько сложно с Соколовым? Почему он не хотел быть добрым, верным, податливым, внимательным? Словом таким, каким его хотела видеть Оксана. С трудом как-то успокоилась. Все-таки не дома, а на работе. Нельзя терять лицо, нельзя давать повод для слухов. Нашла в себе силы улыбнуться Машке и сказала:

– Просто голова закружилась, наверно, перепады давления.

Подруга хотела что-то ответить, но промолчала.

И если бы на этом тот злосчастный день закончился, так нет же! Судьба явно не была настроена дать Оксане расслабиться.

Ей пришлось слегка задержаться. Машка ушла раньше – свидание с новым парнем, второе, самое, как выразалась

подруга, сладкое. Первое – всегда немного нервное, зажатое, испуганное, а вот второе уже уверенное, раскованное, с предвкушением продолжения: минимум первого поцелуя, ну а максимум – секса.

Оксана сидела над отчетами и была уверена, что осталась в офисе одна. Домой ей откровенно не хотелось. Она знала: дома будут слезы. Их не может не быть после сегодняшних событий. А в офисе можно спокойно поработать, доделать отчеты, забить свое время делами, занять голову, не вспоминать, не думать о Соколове. Соколов? Он тихо, как кот, вдруг появился около ее рабочего места.

– Всё трудишься? Не бережешь себя. А все уже разошлись, – с искренней теплотой в голосе сказал он.

Оксана вздрогнула. Она запуталась, уже не знала кому и чему верить. Разве может человек с таким чистым взглядом, с такой детской открытой улыбкой хладнокровно рассылать дикпики и переписываться с фейков? Была бы это ее фантазия, все было бы гораздо проще, намного проще. Но это была не фантазия, это была ее реальная жизнь.

– Надо доделать кое-что, – пробурчала Оксана нарочито грубо. Но Соколов не обратил никакого внимания на ее суровый тон. Он снял с вешалки легкий осенний плащ Оксаны и распахнул его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.